

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра русского языка и литературы

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

На тему: Прагматемы в русской повседневной устной речи

Исполнитель: Юсупов Юсупбай Хасанович
(фамилия, имя, отчество)

Руководитель: Кандидат филологических наук
(ученая степень, ученое звание)

Непоклонова Елена Олеговна
(фамилия, имя, отчество)

«К защите допускаю»

Заведующий кафедрой:

(подпись)

Кандидат педагогических наук, доцент
(ученая степень, ученое звание)

Кипнес Людмила Владимировна
(фамилия, имя, отчество)

« 22 » Июня 2020г.

Санкт-Петербург
2020 г.

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра русского языка и литературы

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

На тему: «

»

Исполнитель _____ Юсупов _____

(фамилия, имя, отчество)

Руководитель _____ кандидат филологических наук _____

(ученая степень, ученое звание)

Непклонова Елена Олеговна _____

(фамилия, имя, отчество)

«К защите допускаю»

Заведующая кафедрой

_____ (подпись)

_____ кандидат педагогических наук, доцент _____

(ученая степень, ученое звание)

Кипнес Людмила Владимировна _____

(фамилия, имя, отчество)

« ____ » _____ 2020г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2020

Содержание

Введение.....	3
Глава 1. Теоретические основы изучения прагматем в русской разговорной речи	8
1.1 Устная речь как объект лингвистических исследований	8
1.2 Устная речь как объект изучения прагмалингвистики	Ошибка!
Закладка не определена.	11
1.3 Основные ресурсы для прагматического изучения устной речи	Ошибка! Закладка не определена.
	15
1.4. Прагматемы как объект изучения прагмалингвистики.....	17
Выводы по 1 главе	33
Глава 2. Аналитическое описание прагматем в русской повседневной речи.	35
2.1 Грамматические прагматемы.....	35
2.1.1 Знаменательные части речи	35
2.1.2 Междометия	37
2.1.3 Служебные слова	39
2.2 Функциональные разряды прагматем разговорной речи.....	48
2.3 Фразеологические прагматемы	62
2.4 Прагматемы в высказывании.....	65
Выводы по 2 главе.....	75
Заключение	77
Список использованной литературы.....	79

Введение

Настоящая выпускная квалификационная работа посвящена проблемам исследования прагматического потенциала языковых единиц и специфики их употребления в повседневной речи.

Актуальность исследования. В последние десятилетия наблюдается рост интереса общественности и науки к методам овладения и совершенствования способности эффективного и успешного речевого общения. Включение в научную парадигму человека как пользователя языка, а также различных параметров речевой ситуации привело к развитию теории речевого взаимодействия, открывающей новые перспективы для изучения речевого поведения человека, выявления взаимозависимостей между использованием языковых единиц и целеустановками говорящих, разработки методик, связанных с повышением эффективности речевого общения. В поле зрения лингвистической науки оказываются «анализ явных и скрытых целей высказывания, внутренней установки говорящего и готовность слушающего «пойти навстречу» в достижении искомого смысла; изучение типов коммуникативного поведения; речевой стратегии и тактики, правил диалога, направленных на достижение эффективности общения, использование так называемых «непрямых» речевых актов» и т.д. Таким образом, одна из ведущих тенденций современной лингвистической науки - рассмотрение в первую очередь функционирования языковых единиц в дискурсе, в реальных процессах коммуникации.

Однако осуществить такой анализ достаточно сложно, так как в языке не всегда эксплицитно выражено прагматическое значение определенной единицы. К сожалению, до настоящего времени, как показало исследование теории вопроса, принципы прикладной лингвистической прагматики не были

сформулированы и в полной мере реализованы. Возможности такой реализации следует усматривать в полном описании прагматических характеристик единиц различных языковых уровней. Эти принципы в предлагаемой работе апробируются на материале описания прагматем в повседневной устной речи.

Объектом исследования являются прагматемы русской устной речи.

Предмет исследования – особенности функционирования прагматем в русской повседневной речи.

Цель исследования – выявить и систематизировать функции прагматем в русской устной речи.

Задачи исследования:

1. определить содержание понятий «прагматика», «прагматический эффект», «прагматема», «повседневная речь» в современной лингвистике;
2. описать специфику русской устной повседневной речи;
3. дать характеристику русской устной речи в лингвопрагматическом аспекте;
4. собрать и систематизировать записи повседневной устной речи представителей разных социальных групп;
5. выявить прагматемы в повседневной речи современных носителей русского языка, выполнить комплексный анализ этих единиц;
6. определить значение фразеологических прагматем;
7. охарактеризовать особенности функционирования прагматем в устной речи.

Для достижения поставленных задач, в исследовании применяется ряд *методов*:

- описательный метод, включающий в себя наблюдение, интерпретацию и классификацию языкового материала, который используется при изложении процесса и результатов исследования;
- метод сплошной выборки применен для отбора фрагментов устной речи;

– семантический анализ применяется при выявлении единиц, имеющих прагматическое значение;

В работе используются также приемы обобщения и типологизации для анализа результатов исследования.

Материалом исследования послужили Звуковой корпус русского языка, создаваемый на филологическом факультете СпбГУ, подкорпус устной речи (УП) Национального корпуса русского языка, а также собственные записи устной речи. Из данных источников методом сплошной выборки были изъятые контексты, в которых обнаружены прагматемы.

Теоретической базой исследования послужили работы по направлениям:

– теории текста и функциональной стилистики (Е.Е. Анисимова, И.В. Арнольд, И.Р. Гальперин, Г.В. Солганик);

– лингвопрагматики (Н.Д. Арутюнова, Г.В. Колшанский, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия, G. Yule);

– лингвопрагматики разговорной речи (Н.В. Богданова-Бегларян, Т.Н. Прохорова, В.В. Химик и др.)

Теоретическая значимость работы заключается в том, что автор данной работы вносит вклад в сбор материала и изучение функционирования прагматем в устной речи.

Практическая значимость напрямую связана с возможностью применения данного материала в процессе обучения русскому языку в средних и высших школах, результаты исследования могут быть использованы при написании курсовых и выпускных квалификационных работ.

Структура работы. ВКР состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и приложения.

Во введении обосновываются выбор темы ВКР, ее актуальность, теоретическая и практическая значимость, формулируются цель, задачи,

определяются объект и предмет исследования, методы анализа языкового материала.

В первой главе рассматриваются содержание и смысл понятий «прагматика» и «прагматический эффект»; дана характеристика устной речи, повседневной речи, разговорного стиля речи; рассмотрены языковые особенности повседневной речи и ее лингвопрагматические особенности

Во второй главе представлен анализ прагматем разных языковых уровней (грамматика, лексика, синтаксис) на материале повседневной устной речи.

Заключение содержит обобщающие выводы по результатам проведенного исследования.

Список использованной литературы составлен в алфавитной последовательности и включает в себя 75 наименований.

Глава 1.

Теоретические основы изучения прагматем в русской устной речи

1.1. Устная речь как объект лингвистических исследований.

Несмотря на то, что всестороннее изучение устной речи в лингвистической науке началось намного позже, чем письменной, данный вид речи представляет собой не менее значимый объект изучения, поскольку и исторически, и функционально устная речь предшествует письменной и является основой для формирования последней. Исторические, функциональные, структурные различия устной и письменной речи определяют и разные традиции их изучения []. В современной лингвистике наблюдается повышенный интерес к изучению устной речи, от разработки методов фиксации, расшифровки, анализа устной речи до поисков когнитивных предпосылок формирования спонтанного речевого высказывания []. Несмотря на то, что письменная речь, в силу особенностей своего бытования, изучена намного полнее, чем устная, академик Л.В. Щерба еще в начале XX в. отмечал, что «если и изучать какую-то грамматику ради грамматики, то следует изучать только грамматику живого, произносимого языка» []. Сопоставляя устную и письменную речь, можно выделить следующие различия:

- 1) способ передачи (звуки устной речи - графические знаки письменной речи);
- 2) время появления (устная речь первична, письменная возникла на базе устной речи);
- 3) наличие собеседника (устная речь непосредственно обращена к собеседнику, письменная речь обращена к отсутствующему адресату);
- 4) реакция собеседника (в устной речи – начиная со времени произнесения, в письменной реакция отложенная);

- 5) активность собеседника (устная речь интерактивна, собеседник может повлиять на ход беседы, в письменной речи собеседник не может повлиять на ее развертывание);
- 6) возможность редактирования (в устной речи это невозможно, кроме измененного повторения, в письменной речи возможно редактирование);
- 7) способ освоения (базовым навыкам устной речи человек учится сам в процессе общения, базовым навыкам письменной речи требуется специальное обучение);
- 8) наличие невербальных средств (устная речь активно сопровождается средствами невербальной коммуникации, письменная речь может только описывать невербальные средства);
- 9) существование во времени (устная речь сиюминутна, существование письменной речи зависит от материала, на котором она записана, возможностей тиражирования).

Следует сопоставить понятия «устная речь» и «разговорная речь», актуальные для нашего исследования. Так, например, в Большой российской энциклопедии отмечается, что разговорная речь – это «разновидность устной литературной речи, обслуживающая повседневное обиходно-бытовое общение и выполняющая функции общения и воздействия []». Как отмечает Т.В. Жеребило, «основная функция разговорной речи – коммуникативная. Задачи разговорной речи заключаются в том, чтобы войти в контакт с собеседником, в наиболее адекватной форме передать свое мнение, отношение к предмету речи. Разговорная речь отличается непринужденностью, чувственной конкретностью, эмоционально-оценочной информативностью» []. Разговорная речь рассматривается в соотношении с такими разновидностями устной речи, как деловая, научная, публицистическая. Главным ее отличием, как отмечают многие исследователи, является ее связь с «частной сферой общения», поэтому на нее не распространяются требования, налагаемые официальными ситуациями общения, что определяет многие ее характеристики.

Далее следует соотнести понятия «устная речь» и «спонтанная речь». Спонтанную речь принято рассматривать в оппозиции к подготовленной речи как заранее не подготовленной, рождающейся в процессе говорения, свободной, естественной, развивающейся в непрерывно меняющихся коммуникативных условиях [Бондарко Л.В. Спонтанная речь и организация системы языка// Бюллетень Фонетического Фонда № 8 «Фонетические свойства русской спонтанной речи» / Под ред. Л.В. Бондарко, М. Краузе. – СПб, 2001. – С. 17-23]. По сравнению с подготовленной речью спонтанная является доминирующей, основной. Если раньше спонтанная речь рассматривалась в лингвистике как некое отклонение от эталонной речи, то в современной лингвистике происходит пересмотр понимания спонтанной речи, которая видится исследователям как особый лингвистический феномен, требующий особых методов изучения, поскольку она содержит различные «сбои» на разных уровнях языка, самоисправления, повторы, т.н. фальш-старты и др. [Д.В. Жабин]. Долгое время спонтанная речь изучалась преимущественно в рамках социологии и социолингвистики, поскольку она во многом обусловлена социальными характеристиками говорящих. Настоящее научное изучение спонтанной речи было стимулировано развитием компьютерных технологий, позволяющих фиксировать, хранить и обрабатывать спонтанную речь. Так, например, группа ученых СПбГУ разработала Звуковой корпус устной речи, основанный на большом количестве записей спонтанной речи, выполненных волонтерами. Пристальное изучение спонтанной речи в последние годы позволило исследователям убедиться в особой природе спонтанной речи. Так, в частности, различные отклонения от языковой нормы в спонтанной речи рассматриваются не как ошибки, связанные с незнанием языковой нормы, а как отклонения от нормы, характерные для неподготовленной речи в силу условий коммуникации: ситуативностью спонтанной речи, повышенной зависимостью от эмоционального состояния говорящего и т.д., поэтому эти отклонения не имеют системного характера и являются

специализированными маркерами спонтанной речи [], а также способны выполнять различные дополнительные функции. Так, например, оговорки, разнообразные запинки могут использоваться как показатели коммуникативных усилий говорящих извлечь из памяти нужные слова и выражения, подобрать нужную интонацию, спланировать коммуникативный ход и т.д. Таким образом, можно говорить о спонтанной речи как об особом лингвистическом феномене, для которого характерно:

- самоисправления говорящего;
- повторы;
- сбои в порядке слов;
- грамматические сбои;
- запинки;
- оговорки;
- оборванные фразы;
- фальш-старты

Изучение спонтанной речи позволило исследователям выявить определенную шкалу спонтанности речи. Так, например, И.Н. Борисова выделяет четыре степени спонтанной речи, такие, как:

- неподготовленная речь (неофициальные бытовые диалоги), этот вид спонтанной речи содержит наибольшее количество отклонений от языковой нормы, неожиданные изменения темы, обрывочность, неопределенность композиции, незавершенные конструкции и т.д.;
- частично подготовленная речь (например, совместное принятие решений, игровая деятельность, монолог на заданную тему и др.),
- подготовленная речь (различные публичные выступления);

- неспонтанная речь (заученный текст). Некоторые исследователи выделяют т.н. квазиспонтанную речь (различные виды заранее обдуманной речи, речи по шаблону, воспроизведение чужой речи и др. [Е.А. Галяшина]) Для нашего исследования наибольший интерес будет представлять совершенно неподготовленная речь, поскольку она наиболее отличается от письменной речи, содержит более всего отличительных признаков устной речи. Наряду с термином «спонтанная речь» часто используется термин «повседневная речь». Данный термин является синонимичным, однако подчеркивает сферу функционирования данной разновидности речи, а также связывает представление об устной речи со сферой повседневного общения, которая в последние годы привлекает многих исследователей большим количеством неизученных вопросов. Действительно, именно сфера повседневного общения, повседневной жизни инициирует спонтанность речи, мотивируя ее стихийную непредсказуемость, изменчивость и т.н. «непричесанность», т.е. разнообразные отклонения от языковой нормы. В нашем исследовании мы будем пользоваться обоими терминами, поскольку именно спонтанность и «повседневность» устной речи обуславливают использование различных прагматем в речевом высказывании. В заключение следует сопоставить рассмотренные нами понятия с понятием «разговорный стиль речи». В XX веке Л.В. Щерба за основу классификаций стилей языка взял форму его бытования. Соответственно, к письменной речи лингвист относил литературный язык, к устной – все остальные формы существования национального языка [80].

В настоящее время вопрос классификации функциональных стилей русского языка остается спорным.

Под функциональным стилем понимают «разновидность литературного языка, которая «обслуживает» определенную сферу общественной деятельности и обладает специфическими приёмами употребления, отбора и сочетания языковых средств» [20, с. 7].

А.Н. Гвоздев вслед за Л.В. Щербой выделяет стили публичной (книжной) речи (деловой, художественный, публицистический и научный) и стиль бытовой (разговорной) речи [20].

На классификацию А.Н. Гвоздева похожа классификация Т.П. Ореховой. Исследователь также разграничивает разговорный и книжные стили, подразделяя последние на «строгие» (научный, официально-деловой) и «нестрогие» (публичный, художественный) [Цит. по: 77].

В современной лингвистической науке выделяют пять функциональных стилей:

- 1) научный;
- 2) официально-деловой;
- 3) публицистический
- 4) художественный
- 5) разговорный.

В рамках темы данного исследования рассмотрим разговорную речь.

В изучении функциональной разновидности литературного языка существует проблема выделения разговорного стиля как воплощения повседневной речи.

В лингвистических исследованиях разговорная речь противопоставлена кодифицированному письменному языку «неподготовленная непринужденная неофициальная речь носителей литературного языка» [27].

О.А. Лаптева употребляет термин «устно-разговорная разновидность литературного языка» и называет его главной черту – «устность»; это служебные, обиходно-бытовые, «уличные» и «магазинные» разговоры [44, с. 127].

С О.А. Лаптевой полемизируют Е. Ширяев и Е.А. Земская: устная публичная речь не может быть разговорной – это устная реализация кодифицированного языка [27].

В связи с чем эти исследователи описывают признаки разговорного стиля [27]:

- 1) устная форма; диалогичность;
- 2) неофициальность; экспрессивность;
- 3) неподготовленность;
- 4) непосредственность;
- 5) связь с экстралингвистической ситуацией пряма;
- 6) наличие языковых средств внелитературных форм языка, в то же время присутствуют книжные слова и термины;
- 7) активность незнаменательных и десемантизированных слов (вот, значит, так, это и т.п.);
- 8) нетипичные способы номинации (у него в голове каша);
- 9) отсутствие причастий и деепричастий;
- 10) увеличение доли функционирования именительного падежа;
- 11) высокая степень вариативности аффиксальных норм;
- 12) аналитизм склоняемых норм;
- 13) в синтаксисе данного стиля присутствуют характерные и необычные связи, нечеткость смысловых отношений; инверсия, редукция (разрыв словосочетаний), дистантное положение синтаксических связей; интерференция – «сегмент одной предикативной конструкции, не повторяясь, входит одновременно и во вторую, тоже свободно присоединяясь к первой» [27, с. 101-102].

Исследователи выделяют особенности лексических единиц в повседневной разговорной речи. Эти единицы проходят определённые этапы, в которых они утрачивают свое значения и приобретают прагматическую функцию [14; 47]:

1. Расширение значения у лексических единиц. В данном случае слово реализует свой полисемантический потенциал: выражение «*по ходу*» в разговорной речи приобрело значение «кажется, похоже».

2. Появление в речи единиц, не зафиксированных в словаре. Слово «бабец» широко представлено в речи (чаще всего мужчин) и имеет два

антонимичных значения: 1. Вульгарная, грубая, маргинальная малообразованная женщина. 2. Независимая, инициативная, способная за себя постоять женщина.

3. Изменение соотношения значений основных и «периферийных». Так, например, словоформа *сказать* согласно лексикографическим источникам основная, однако в разговорной речи часто функционирует одна из ее разновидностей, которая отмечается в словарях как одна из возможных – *скажем*. Более того, именно она входит в состав многих конструкций: *скажем там, так скажем, ну скажем* и т.п.

4. «Ослабление семантической составляющей» [14]. Эта особенность является следствием предыдущей. Одна из форм слова постепенно утрачивает семантическую связь с основной, становится самостоятельной и требует нового описания в словарях: *вот ты знаешь /я короче уже один раз завалила как будто // сдаю второй раз / и второй раз завалила*

В данном примере значение глагола *знаешь* максимально ослаблено; данное слово служит в качестве установления контакта с собеседником и привлечения его внимания. По сути, в данном отрывке слово *знаешь* не привносит новый смысл высказыванию, однако, функционально необходима для аттракции (привлечения внимания) адресата.

5. Лексическая единица утрачивает значение, получает новое – прагматическое. Именно на этом этапе лексическая единица становится прагматемой.

Таким образом, в общелитературном языке традиционно выделяют пять функциональных стилей: научный, официально-разговорный, публицистический, художественный, разговорный. Разговорный стиль обладает специфическим характером, сложившимся в результате отбора и сочетания языковых средств в определенной сфере общения. В данном стиле реализуется одна из функций языка – фатическая функция (общение ради общения). Часто в повседневном разговорном общении его участники прибегают к компрессии – сокращению языковых единиц в разговоре. Таким

образом происходит «экономия речевых усилий» и времени участников общения. Данное явление характерно для прагматики речи. Рассмотрим эту особенность повседневной разговорной речи подробнее.

1.2. Основные ресурсы для прагматического исследования устной речи

Как уже отмечалось в нашем исследовании, устная повседневная речь является особым лингвистическим феноменом, требующим, помимо традиционных, специфических методов сбора, обработки и анализа языкового материала. Поскольку устная речь, в отличие от письменной, - это непрерывно меняющаяся система, для ее изучения требуется обширный языковой материал. Поэтому, чтобы провести наше исследование, необходимо было собрать достаточное количество записей устной спонтанной речи. Самостоятельно собрать большое количество такого материала одному лингвисту оказывается не под силу, поэтому используются специализированные ресурсы, предоставляющие исследователю большой объем текстов для анализа. В качестве основного ресурса в первую очередь следует назвать Устный подкорпус Национального корпуса русского языка. Национальный корпус русского языка является информационно-справочной системой, предоставляющей большое количество систематизированного языкового материала, снабженного т.н. разметкой – т.е. научным аппаратом, позволяющем быстро находить языковой материал по заданным параметрам [Плунгян В.2016 Что такое корпус]. Национальный корпус русского языка является самым крупным проектом корпусной лингвистики в России. Корпус включает более 600 миллионов словоупотреблений, из текстов разных жанров, разновидностей речи, от художественных текстов до образцов научных, публицистических произведений. Национальный корпус русского языка состоит из основного подкорпуса и дополнительных, таких как синтаксический, поэтический, газетный, диалектный, устный и др. Кроме того, все представленные тексты снабжены пятью видами разметки: метатекстовой, морфологической, семантической, синтаксической и акцентной. Корпус устной речи существует с 2007 г. Он был создан на

основе расшифровок магнитофонных записей устной речи. В корпусе устной речи можно осуществить выборку устных текстов в зависимости от задач исследования, используя морфологический, лексический поиск, социологический поиск. Всего в Устном корпусе представлено уже свыше 11, 3 млн. словоупотреблений. Вторым не менее значимым источником устной речи является Звуковой корпус русского языка, который уже несколько лет составляют сотрудники Санкт-петербургского государственного университета. Звуковой корпус состоит из двух частей: это проект «Один речевой день» (ОРД) и «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ). Материалы ОРД были собраны волонтерами, которые в течение 24 часов записывали на диктофон собственную устную речь. Создатели проекта ОРД рассчитывали на то, что такой длительный период времени записи – 24 ч. – позволит получить речь, близкую к естественной, поскольку информант привыкает к записи и начинает говорить так, как привык в повседневной жизни. Таким образом был получен срез современного общества и его повседневного речевого поведения (около 1 млн. словоупотреблений). Проект САТ содержит тексты, отобранные применительно к списку коммуникативных сценариев: свободный рассказ, описание, чтение, пересказ и т.д. – всего около 700 текстов, произнесенных представителями различных социальных групп и профессий. Также в работе мы опираемся на собственные аудиозаписи повседневной речи, которые были сделаны в ходе общения с представителями различных возрастных и профессиональных групп среди жителей Санкт-Петербурга (всего около 47 записей). При осуществлении самостоятельной выборки мы следовали общим принципам отбора информантов, обоснованным авторами проекта ОРД: - говорящие должны быть носителями русского языка как родного; - говорящие должны быть представителями различных социальных групп и профессий, чтобы их речь не содержала профессионализмов; - говорящие не являются носителями какого-либо диалекта; - говорящие должны быть разного возраста и пола.

1.3. Устная речь как объект изучения прагмалингвистики

Интерес к прагматическому аспекту языка обусловлен антропоцентрической направленностью современной лингвистики. Антропоцентрическая парадигма сформировалась еще в начале XX века, и ее основной тезис звучит следующим образом: «язык, будучи человеческим установлением, не может быть понят и объяснен вне связи с его создателем и пользователем» [30, с. 46]. Всесторонним изучением этой связи занимается прагмалингвистика.

Прагмалингвистика является достаточно молодым направлением языкознания. Несмотря на большое количество исследований, посвященных прагматическим аспектам языка, эта дисциплина еще находится на этапе становления. Так, в частности, предметное поле дисциплины, категориальный аппарат, также как и основная единица лингвопрагматики до сих пор остаются дискуссионными.

В Лингвистическом энциклопедическом словаре под редакцией В.Н. Ярцевой дано следующее определение прагматики: «Прагматика (от греч. *pragma*, род.п. *pragmatos* – дело, действие) – область исследований в семиотике и языкознании, в которой изучается функционирование языковых знаков в речи» [7, с. 559]. Такое определение, на наш взгляд, является общим и требует уточнения.

Термин «прагматика» появляется в период расцвета структурно-семиотического изучения языка. Впервые упоминание о прагматике языка встречается в работах Ч. Пирса. В научный обиход это понятие ввел в 30-е гг. XX в. Ч. Моррис, систематизировавший идеи Ч. Пирса и выделивший три уровня в теории знака: семантику (отношение между знаком и объектом), синтактику (отношение между знаками) и прагматику (отношение между знаком и говорящим). В дальнейшем изучение прагматики языка было продолжено такими учеными, как Д. Остин и Д. Серль, Г. Грайс, Л.

Витгенштейн и другими. Особенно следует выделить работы Л. Витгенштейна, которые впервые связал значение с употреблением в языке, в результате чего возникло представление о прагматическом компоненте значения, наряду с лексическим и грамматическим. Также во многом благодаря работам Л. Витгенштейна сложилось представление о невозможности интерпретации высказывания вне контекста, учета конкретных обстоятельств общения, социальных и психологических характеристик носителей языка.

В настоящее время можно говорить о следующих характеристиках прагмалингвистики как научной дисциплины:

- функционирование языка рассматривается в ситуативном, социальном и психологическом контекстах;
- в основе прагмалингвистических исследований лежит понятие деятельности (язык рассматривается как деятельность (речевая деятельность), порождение и интерпретация значений;
- язык рассматривается как средство динамического взаимодействия коммуникантов;
- прагматика реализуется на всех уровнях языка (см. формулировку Ю.Д. Апресяна: «Под прагматикой мы будем понимать закрепленное в языковой единице (лексеме, аффиксе, граммеме, синтаксической конструкции) отношение говорящего: 1) к действительности; 2) к содержанию сообщения; 3) к адресату [А., 1988]

Современная прагмалингвистика имеет значительный понятийный аппарат. Некоторые из этих понятий являются общими с другими дисциплинами (теорией коммуникации, когнитивной лингвистикой, психолингвистикой и др.), ряд понятий сложился непосредственно в рамках данной дисциплины. Так, к междисциплинарным понятиям относятся такие, как «коммуникативная ситуация», «коммуникативный акт», «коммуникативное намерение», «коммуникативная неудача» и др. понятия, сложившиеся в теории коммуникации и активно употребляющиеся и за ее

пределами. Вместе с тем, понятия *речевой акт*, *пресуппозиция*, *имплицатура*, *прагмема*, *прагматема*, *прагматикализация* – понятия, сложившиеся непосредственно в прагмалингвистике.

Ч.У. Моррис подчеркивал, что прагматика связана прежде всего с «отношением к знакам носителей языка» и требует изучения «комплекса вопросов, связанных с отправителем информации, адресатом, их взаимодействием в коммуникации, целью общения» [37, с. 23]. Таким образом, уже Ч.У. Моррис, говоря о прагматике речи, акцентирует внимание на взаимозависимости между использованием языковых единиц и целеустановками говорящих.

Быстрое развитие прагмалингвистики происходит вслед за периодом активного изучения семантики и разработки в лингвистической науке методов семантического анализа. Как отмечает Н.Д. Арутюнова, совершенствование семантического анализа поставило вопрос о необходимости разграничить основное и контекстно обусловленное значение слова, систематизировать правила возникновения контекстно обусловленных значений. Эту задачу и взяла на себя прагмалингвистика [].

Современная прагмалингвистика представляет собой «область исследований в семиотике и языкознании, в которой изучается функционирование языковых знаков в речи» [Арутюнова, 1990, С.389], к прагматике приходится обращаться всякий раз, когда для семантическая интерпретация высказывания требует обращения к контексту, к ситуации, «описываемой в высказывании или выступающей в качестве коммуникативного акта» [Кассевич, 1988:52]. Поэтому С. Левинсон, один из ведущих исследователей в области прагмалингвистики, отмечает, что прагматика изучает взаимосвязи структуры языковой системы и ее использованием в контексте [Левинсон, 2001].

Прагмалингвистика, таким образом, берет свое начало в семантических исследованиях, образуя свою предметную область в процессе выяснения значения слова в контексте, в ситуации общения. Далее прагмалингвистика

развивается в процессе поиска корреляций между значением и говорящим, учитывая в первую очередь преднамеренность речевого акта [П.Грайс, 1957]. В результате в англоязычной литературе возникло понятие *speaker's meaning* – «значение говорящего», подразумевающее не только лексическое значение, но и значения, обусловленные контекстом. Прагматическая ситуация отныне стала пониматься как обуславливающая значение высказывания, вне ее учета высказывание не может быть понято [Арутюнова, Падучева, 1985, 3-42]. Одним из факторов, обуславливающих прагматическое значение высказывания, стал и принцип кооперации, сформулированный П. Грайсом: совместно принятая коммуникантами цель диалога формирует прагматику высказывания [Грайс, 1985:222]

Следует отметить и роль теории речевых актов (ТРА) в развитии прагмалингвистики. Речевой акт, понимаемый как минимальная единица речевого общения (вопрос, приказ, просьба и т.д.), рассматривается в ТРА как трехуровневая структура:

- локутивный акт (этап непосредственного произнесения высказывания);
- иллокутивный акт (прагматический компонент высказывания, выражающий цель говорящего);
- перлокутивный акт (акт намеренного влияния на адресата и тем самым достижения результата).

Интенсивное развитие прагмалингвистики было связано с переключением внимания лингвистов от локутивного этапа речевого акта на иллокутивный.

Не менее значимой в прагмалингвистических исследованиях устной речи является метод конверсационного анализа, разрабатываемый группой ученых (Х. Сакс, Э. Щеглофф, Г. Джефферсон) в последние несколько десятилетий. Изучая повседневную речь как живой разговор, «речь-во-взаимодействии», Х. Сакс стремился обнаружить принципы структурной организации разговора, описать те социальные практики, которые помогают собеседникам конструировать собственное поведение, в том числе и речевое, и интерпретировать чужое [Сакс 1, с. 36]. Разговор предстает в исследованиях

Х. Сакса как подвижная система, основанная на непрерывной взаимокорреляции целей и установок участников общения.

Именно с работ Х. Сакса начинается разработка методов исследования повседневных разговоров как одной из упорядоченных систем обыденных практик. Это был анализ телефонных звонков, разговоров на улице и т.д. Важным достижением Х. Сакса является разработка способов транскрибирования повседневных разговоров. Так, в частности, Х. Сакс предложил фиксировать длительность пауз, интонации, повторы и т.д.

Для нашего исследования особенно значимы постулаты конверсационного анализа, сформулированные Дж. Хэритеджем:

- 1) Разговор является структурно организованным феноменом;
- 2) Вклад каждого участника в интеракцию обусловлен контекстом и одновременно обновляет, формирует локальный контекст;
- 3) В разговоре нет малозначимых деталей, даже самая мелкая, малозначимая, на первый взгляд, деталь разговора структурируется говорящим совместно с другими деталями интеракции [Heritage J. Garfinkel and Ethnomethodology. Cambridge, UK: Polity Press, 1996.]

В нашем исследовании мы, вслед за основоположниками конверсационного анализа, исходим из утверждения структурности, упорядоченности любого разговора и используем конверсационный анализ повседневной речи как детальный анализ разговора, записанного в естественных ситуациях общения.

1.4. Прагматемы как объект изучения прагмалингвистики

Итак, осуществляя прагматический подход к изучению повседневной речи, в первую очередь исследователи учитывают намерения автора, т.е. его интенции, заложенные в структуре и содержании высказывания. Прагматический аспект изучения высказывания понимается как исследование связи между адресатом и адресантом, воздействующей, или прагматической, функции высказывания на реципиента. Так, в частности, Г. Клаус в середине XX в. утверждает,

что прагматика «изучает отношения между знаками и людьми, которые производят, передают и принимают языковые знаки» [40, с. 31].

Так в лингвистике сформировалось представление о прагматической функции языка, которая может быть изучена в результате анализа процессов «вербального управления человеческим поведением, моделирования социального и индивидуального поведения людей посредством речи [18, с.98].

Некоторые исследователи говорят о доминирующей роли прагматической функции языка. Так, в частности, К. Черри предложил языковую модель, которая по степени важности уровней выстраивается следующим образом [51, с. 295]:

- 1) прагматический (для чего говорить);
- 2) семантический 1 (денотативный) (о чем сказать);
- 3) семантический 2 (сигнификативный) (как сказать);
- 4) синтаксический (как расположить элементы высказывания относительно друг друга) [К.Черри]

Данная модель показывает, что языковые знаки не только связаны с семантическим, синтаксическим и прагматическим уровнями отношений, но наблюдается определенная иерархия этих уровней: семантический уровень подчиняет себе синтаксический, и оба они подчинены прагматическому. По мнению А.Д. Швейцера, «прагматический уровень, охватывающий такие жизненно важные для коммуникации факторы, как коммуникативная интенция, коммуникативный эффект, установка на адресата, управляет другими уровнями» [47, с. 86-87].

Представители французской школы Ж. Мёшлер и А. Ребуль отмечают, что семантический и прагматический аспекты составляют единое целое и характеризуют одно и то же языковое явление с разных сторон. Они считают, что «синтаксис и семантика изучают язык как систему знаков, построенную по определенным правилам, в то время как прагматика изучает язык извне,

изучает не сам язык, а его использование. Синтаксис и семантика образуют систему и составляют значение предложения. Роль прагматики – дополнить это языковое значение, предоставляя данные для полной интерпретации предложения» [34, с. 16].

К выявлению статуса прагматики в лингвистических исследованиях следует отметить интересную концепцию выдающегося лингвиста Освальда Дюкро [10], который, основываясь на работах Ф. де Соссюра и его понимании языка как системы, создал свою собственную концепцию интегрированной прагматики. Положение, которым руководствуется О. Дюкро, звучит следующим образом: «любое высказывание, имеющее некоторое буквальное значение, может быть интерпретировано различным образом» [10, с.104].

Прагматика изучает в первую очередь те языковые элементы, у которых установочные компоненты (субъективные, экспрессивные и проч.) доминируют над денотативными, сводимыми к условиям истинности и не требующими апелляции к говорящему [50], иначе говоря, «языковые элементы, ориентированные на речевое взаимодействие, элементы, в семантике которых отсылка к говорящему играет ключевую роль» [27, с. 223]. Это относится к языковым единицам с выраженной прагматической окраской, благодаря которой они (языковые единицы) приобретают коммуникативный статус. Прагматическое значение таких языковых единиц уже выражает определенные стратегии говорящего, хотя известно, что каждый языковой элемент вносит свой вклад в значение высказывания.

Языковые единицы, реализующие прагматическую функцию в тексте, называют «прагматемами» [37, с.17]. Для нашего исследования понятие прагматемы играет ключевую роль, поэтому следует подробно рассмотреть историю его появления и область значений в современной лингвистической науке.

Еще в XIX в. ряд исследователей обращал внимание на ряд единиц, которые не фиксируются в традиционных словарях, поскольку они не

получили однозначной интерпретации в системе языка. Попытки обратить на них внимание, описать и систематизировать не приводили к формированию общепринятого научного объяснения этих единиц, а также способствовало возникновению различных номинаций этого языкового явления: «дискурсивные слова», «дискурсивные единицы», «прагматемы».

Изучение этих дискурсивных единиц началось с работ, посвященных уточнению семантики и функций частиц в зарубежной и отечественной лингвистике. Исследователи неоднократно обращали внимание на разнообразие функций частиц, а также на функциональную близость частиц и некоторых наречий в роли вводных слов (например, *фактически*, *собственно* и др.). Предметом рассмотрения лингвистов стала общность прагматической функции слов разных частей речи, что привело к появлению термина *Pragmalexeme* (прагматическая лексема) [Р. Райтмар], а также - *Discourse markers* (Д. Шиффрин), переведенное на русский язык как «дискурсивные слова» [Борисова Е.Г.]

Одной из первых работ в отечественной лингвистике, посвященной дискурсивным словам, является «Путеводитель по дискурсивным словам русского языка», написанная В.А. Плунгяном, А.Н. Барановой и Е.В. Рахилиной. По мнению авторов этой работы, дискурсивные слова – это «единицы, которые, с одной стороны, обеспечивают связность текста и, с другой стороны, самым непосредственным образом отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего» (Баранов и др. 1993: 7).

Не менее значимым является коллективная монография, выполненная в рамках российско-французского проекта изучения дискурсивной лексики «Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания» []. В этом исследовании предлагаются способы отбора, описания и систематизации дискурсивных слов. В основе описания лежит принцип исчисления контекстов употребления дискурсивных слов с целью определения границ их контекстного варьирования. Также в работе предложен новый тип словарной статьи, посвященной дискурсивным

единицам, демонстрирующий их взаимосвязь с контекстом и ситуативным факторами. В монографии отмечается, что «в отличие от однозначных слов дискурсивные слова не поддаются семантическому описанию в такой мере, как имена и глаголы» [Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания. Под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. М., 1998]. Их комплексное значение описывается путем рассмотрения контекстов и ситуаций, обуславливающих то или иное значение дискурсивной единицы.

Таким образом, зарубежные и отечественные исследователи пришли к выводу, что дискурсивные слова могут быть определены прежде всего на основании функциональных критериев.

Значение дискурсивных слов, как не имеющих денотата, можно изучать только через их употребление. Важно обратить внимание на то, что класс дискурсивных слов – это открытый класс, причем он включает как знаменательные (наречия), так и служебные слова, модальные слова и частицы. Так, например, среди знаменательных слов, являющихся дискурсивными единицами, особую роль играют глаголы. Например, в работе С.В. Андреевой вводится термин коммуникатив на примере глагола «знаешь» [Андреева 2014], десемантизация которого приводит к прагматикализации этого глагола [Богданова-Бегларян]

Дальнейшее изучение дискурсивных слов привело к выделению отдельных групп, например, «вербальный хезитатив», заполняющий паузы речевого колебания, «рефлексив» и др. [Богданова-Бегларян, 2008].

В связи с дальнейшим изучением процессов прагматикализации - утраты или ослабления лексического и грамматического значения некоторых слов и приобретение ими прагматического значения - возникает еще один термин: «прагмалексема». Прагмалексемы – это лексемы, которые переходят на коммуникативно-прагматический уровень языка и становятся «сугубо прагматическими единицами, выражающими различные реакции говорящего на окружающую действительность, и имеющими форму самостоятельных

высказываний» (Graf 2011: 296). В нашей работе особое внимание будет уделено частично десемантизированным прагмалексемам, которые, относясь к знаменательным частям речи, оказались подвержены прагматикализации. Так же нами будут рассмотрены некоторые частицы, указательные местоимения и их комбинации, стереотипные фразы, выполняющие прагматические функции, связанные с организацией и эмоционально-субъективным оформлением интеракции [].

Как отмечают В.А. Плунгян, А.Н. Баранова, Е.В. Рахилина, Богданова-Бегларян и другие исследователи, знаменательные слова переходят в разряд прагмалексем в процессе изменения в их семантике, благодаря чему происходит повышение роли прагматического компонента и уменьшается значимость денотативного и сигнификативного элементов. Одновременно происходят изменения в их употреблении (например, новый порядок слов, утрата первичных функций, нереализованная валентность, и т. п.).

Многие исследователи обращают внимания на тот факт, что нередко прагматические единицы представляют собой не отдельные лексемы, а их совокупности, т.е. целые конструкции, которые при этом могут быть многозначными. Например, такие прагматемы, как «ну знаешь», «как это называется», «как сказать», «это самое» и другие. Именно поэтому в качестве рабочего термина мы будем использовать в нашей работе преимущественно понятие «прагматема», а не «прагмалексема».

В связи с различной степенью прагматикализации таких единиц, многие из которых имеют многокомпонентный состав, Н.В. Богданова-Бегларян разделяет прагматемы на две группы:

- 1) дискурсивные единицы, практически полностью десемантизированные (*собственно говоря, ну... я не знаю, так сказать, в самом деле, скажем там* и др.);
- 2) дискурсивные единицы, восходящие к незначимым элементам (словам-паразитам) (*это самое, вот значит, в общем* и др.)

Не менее актуальной представляется классификация Е.Ю. Верхолетовой, выделившей уровни автоматизации речи. Исследователь выделяет следующие уровни:

- 1) нулевой, т.е. доречевой, который в основном представлен хезитативами: *mmm, zm, ну..., эээ....* и т.д.;
- 2) первый уровень, т.е. уровень автоматизмов или вербальных хезитативов, в основном представленный частицами (вот, только, так, это), воодными словами (*может быть, поэтому, наверное*) и комбинациями частиц друг с другом и со словами других частей речи (*вот этот вот, вот здесь вот, как это сказать, вот это всё* и др.);
- 3) второй уровень, т.е. уровень темы, это повторяющиеся конструкции разных типов (*например, поэтому нравится – нравится потому что...* и др.);
- 4) третий уровень – уровень неповторяющихся элементов, автоматизмов, демонстрирующих индивидуальную манеру речи (например, характерные для конкретного лица автоматизмы: *как правило, абсолютно, примерно* и др.)

Б.Я. Ладыженская, также занимавшаяся вопросами спонтанной устной речи, выделяла группу т.н. «квазислов», «вносимых в речь бессознательно, автоматически, по инерции» [Ладыженская, 1985:5]. Автор выделяет 4 группы слов:

- 1) лексемы-гиперонимы, имеющие обобщенное, широкое значение;
- 2) местоимения различных разрядов (в первую очередь указательные, определительные и притяжательные), которые еще более утрачивают свое значение (*такой, тот, самый* и др.);
- 3) субъектно-модальные частицы, понятные лишь в конкретной речевой ситуации (*именно, вот именно, ну вот*);

4) вводные слова, также лишенные семантической функции, указывающие на процесс поиска нужного слова (*так сказать, значит, понимаешь, это самое* и др.)

Таким образом, как очевидно из приведенных классификаций, класс прагматем является открытым и весьма неоднородным. К нему относятся слова разных частей речи, а также конструкции, представляющие собой комбинацию слов разных частей речи, также к прагматемам многие исследователи относят слова-паразиты и вводные слова.

Вместе с тем, большинство исследователей стремится систематизировать прагматемы, основываясь на выполняемых ими функциях в речи, степени автоматизма в употреблении, внутренней структуре.

Так, например, ряд исследователей занимается изучением синонимических отношений между различными прагматемами, например, между прагматемами *знаете, понимаете, а знаешь* и др. Например:

А знаешь/ всё это мне напоминает () события прошлого года...

Понимаете/ мы давно уже знакомы/ но этого вот ни разу не было () чтобы вот так подставлять человека...

Я вот /знаете / уже вчера догадывался/ чем все это кончится...

(на примере выборки 65 фрагментов устной речи)

Практически все исследователи обращают внимание на неоднородность прагматем, что обуславливает дискуссионность многих вопросов, касающихся классификации, описания состава и функций прагматем в современной русской речи. Вместе с тем, неоднородность прагматем является основанием для их детального классифицирования по разным параметрам, основным из которых, на наш взгляд, должна быть шкала степени прагматикализации дискурсивных единиц: от наименее десемантизированных к полностью утратившим исходное лексическое и грамматическое значение и превратившимся в прагматические компоненты

речи. Так, на полюсе частично десемантизированных прагматем окажутся вводные слова и ряд местоимений, а практически полностью утратившими исходное значение можно считать вербальные хезитативы [Богданова-Бегларян].

Наблюдения исследователей, выполненные на основании большой выборки (ОРД) показывают, что в подобных прагматемах происходит нейтрализация по числу (например, замена *ну знаете* на *ну знаешь* при обращении к одному и тому же лицу) [Богданова-Бегларян]. Ряд исследователей проводили наблюдения, фиксируя принадлежность говорящего к определенной возрастной, гендерной, профессиональной, социальной группе, что позволило сделать ряд ценных наблюдений. Например, О.Б. Сиротинина в работе «Современная русская разговорная речь и ее особенности» приходит к выводу, что информанты с высоким уровнем речевой культуры используют разнообразный набор прагматем, с более дифференцированным набором функций и более сложных по своей структуре [Сиротинина, 1974, 71-73]. Взаимосвязь состава аудитории и качественных характеристик прагматем обнаруживается во многих исследованиях, посвященных функционированию дискурсивных единиц в повседневной речи. Так, например, в исследованиях Б.Я. Ладыженской определена система факторов, влияющих на характеристики используемых в речи прагматем, в частности:

- вид речи (монолог, диалог, полилог);
- период времени общения;
- эмоциональное состояние говорящих и их отношение друг к другу;
- знания и опыт говорящего (уровень образования, уровень владения речевой культурой и т.д.);
- ситуация общения (официальная/неофициальная, доверительная/недоверительная, диалогическая/монологическая позиция говорящего и т.д.) [Ладыженская 1985: 7].

Итак, дискурсивные слова – это открытая система, включающая междометия, местоимения, некоторые наречия, частицы, модальные слова и т.д. В нашем исследовании в качестве рабочего выбран термин «прагматема», под которым мы понимаем лексическую единицу, функционирующую на коммуникативном уровне, в которой актуализируется прагматическое значение и ослабевает денотативный и сигнификативный компонент. Такое преобразование неизбежно отражается на ее употреблении (изменение порядка слов, комбинировании с другими элементами, валентности, способе произнесения и т.п.). В результате таких процессов преобразования эти единицы утрачивают или видоизменяют исходное значение, частично или полностью лишаются грамматического значения и приобретают прагматическую функцию. Эту функцию единица реализует в речи, и она называется прагматическим значением данной единицы.

Исследователями подробно описано, как в результате этих процессов происходит лексикализация прагматем в повседневном общении, что определяется такими характеристиками речи, как автоматизм, повторяемость, благодаря чему происходит закрепление за конструкцией прагматической роли в той или иной коммуникативной ситуации. Эти процессы позволяют разработать типологию, основанную на детальном описании функционирования прагматем в устной речи.

Системное описание типов прагматем, на наш взгляд, наиболее детально представлено в работах современного лингвиста Н.В. Богдановой-Бегларян, исследующей прагматемы на основе данных САТ и Национального корпуса русского языка. Так, Н.В. Богданова-Бегларян выделила разряды прагматем в зависимости от их функционирования в разговорной речи [13, с.56-57]. Рассмотрим эти разряды:

- 1). Междометные прагматемы.

Это довольно обширная группа прагматем, её составляют междометия, которые утратили исходное значение и приобрели новую семантику, интонирование, синтаксическую независимость. Например:

А зачем мне нужен этот лист соглашения? **Здрасьте пожалста**/ куда я его дену-то?

*ну **давайте** / ага / хорошо / всё*

*Вот да / **щас**/ очень мне нужно объяснять / куда я трачу деньги*

*Вот **прямо щас** все брошу / и побежал/ дождешься*

(из собственной выборки, 65 единиц)

3) Вводные сочетания

Прагматическое значение вводных слов и сочетаний было замечено лингвистами раньше всего. Так, в Русской грамматике (1980), в работах Буланина и других авторов отмечалось, что вводные конструкции не являются членами предложения, имеют синтаксическую самостоятельность, выражают субъективную модальность говорящего [Буланин, 1976]. Устанавливая связность и отношения между компонентами высказывания, вводные конструкции тем самым выполняют роль прагматем.

Рассмотрим примеры:

Да вот вчера/ **к тому же**/ я уже тебе объяснял...

Кроме того /зачем он мне это объясняет/ и смотрит так/ нагнувшись...

2). Дискурсивные маркеры.

Это большая группа прагматем, к которым относят стартовые маркеры и маркеры заключения разговора. Например:

Знаете / это не такой простой разговор/ как вам кажется...

А знаете/ это надо обсудить/ хорошая вообще тема...

Ну и вот идем мы (эээ) / **значит** / она и говорит/ зачем мы туда идем

3). Поисковые прагматемы:

*Ну (эээ) **это самое** / мы это еще не уточняли...;*

4). Прагматемы-рефлексивы:

*Ну () **сегодня антиглобалистская программа или как сказать?***

5). Прагматемы-аппроксиматоры:

*Ну короче мы тут это.. **явились со всеми делами***

6). Прагматемы-ксенопоказатели:

*Я ей и говорю / ты **типа** когда позвонить-то думаешь?*

7). Метакоммуникативные прагматемы:

*Да, это../ ну в общем / **надо заканчивать с этим /а то я не знаю;***

8). Ритмообразующие прагматемы:

*Ну он **объяснять** начал **там** | все дела;*

10). Прагматемы самокоррекции:

*Забыл / как же называют **этих** (...) ну не знаю, наверное, **перфекционистов...***

(из собственной выборки, 65 фрагментов устной речи)

Рассмотренная классификация прагматем выстроена на основе функционального параметра. Так, в частности, метакоммуникативные прагматемы могут выполнять контактоустановочную функцию и ряд других, например, функцию уточнения; прагматемы-рефлексивы маркируют процесс обдумывания своего высказывания говорящим; прагматемы-аппроксиматоры способны выражать неопределённость и обобщённость высказывания.

Таким образом, согласно выше представленной классификации прагматемы есть класс условно-речевых, чисто функциональных единиц, представленных только в разговорной речи.

Выводы по 1 главе

Осуществив обзор теоретических положений о прагматическом компоненте в разговорной речи, мы пришли к следующим выводам.

В лингвистике прагматический аспект изучения понимается как исследование связи между адресатом и адресантом, воздействующей, или прагматической, функции текста на реципиента. Эта функция репрезентируется в тексте, в его содержании, в его языковых единицах. Языковые единицы, реализующие прагматическую функцию в тексте, называются прагматами. Следовательно, прагматическая ценность текста зависит от прагматической ценности составляющих его прагмем, что, в конечном счете, измеряется прагматическим эффектом, то есть результатом воздействия текста на эмоции и поведение адресата.

В лингвистических исследованиях используют не только термин «прагматема», но и прагмалексема, дискурсивная единица. В данной работе были использован термин «прагматема» так, как ее материал исследования – русская повседневная речь, в которой широко представлены не только прагмалексем, но и целые конструкции с данными единицами. Такие конструкции выделены в отдельный класс прагматем. Прагматемы – открытая система, в которую входят неполнозначные слова, междометия, частицы, модальные слова и т.п.

Стоит отметить существование в лингвистике термина «прагмема» с иным значением: он используется для описания оценочных слов

В работе принята следующая классификация прагматем, составленная на основе их функционального назначения в речи:

1. Междометные прагматемы.
2. Дискурсивные прагматемы.
3. Поисковые прагматемы.
4. Прагматемы-рефлексивы.
5. Прагматемы-аппроксиматоры.
6. Прагматемы-ксенопоказатели.
7. Метакоммуникативные прагматемы.

8. Ритмообразующие прагматемы.

9. Дейктические прагматемы.

10. Прагматемы самокоррекции.

Данная классификация прагматем основана на их функциях в речи: контактоустановочная. Привлечение внимание, уточнение, обобщение, оценка и т.п.

Глава 2. Аналитическое описание прагматем в русской повседневной речи

2.1 Грамматические прагматемы

2.1.1 Знаменательные части речи

Рассматривая особенности этой категории, В.В. Виноградов отмечает, что «граница между модальными частицами и модальными словами очень неопределенна и подвижна. В оценке выражения с этой точки зрения играют роль и его фонетические свойства, и его смысловой вес, и система разных его значений, и его функциональные связи с другими словами» [Виноградов 2006: 601].

Различие между двумя грамматическими классами слов выражается, в частности, в том, что модальное наречие потенциально отрицаемо, при этом отрицание занимает контактную препозицию (*Пилот не точно приземлился*), тогда как модальные слова не отрицаются, а отрицание всегда постпозитивно по отношению к ним (*Пилот, точно, не приземлился*).

Равноценность предложению и есть то основание, по которому только модальные слова, а не модальные наречия могут быть использованы в качестве самостоятельного ответа на альтернативные вопросы (*Он приземлился! - Наверняка.*).

Более предпочтительными в классификации модальных слов являются воззрения Р.Барча [10,с. 18-29] и Д.Вундерлиха [Цит.по: 5, с. 15-17], которые предлагают выделять следующие субклассы с соответствующими прагматическими признаками:

1) *предположительно, возможно, наверняка* и др.

[- фактитив] [+ отношение к говорящему];

2) *к сожалению, к удивлению, к счастью* и др.

[+ фактитив] [+ отношение к говорящему];

3) *по глупости, разумно, по легкомыслию* и др.

[+ фактитив] [- отношение к говорящему] [+ отношение к субъекту];

4) *опрометчиво, бесполезно, выгодно* и др.

[+ фактитив] [- отношение к говорящему] [+ отношение к субъекту].

При этом признак [+ фактитив] указывает на реальность факта (*Он, к сожалению, потерпел аварию* > Он потерпел аварию. И об этом (факте) сожалеют), а [- фактитив] – на его предполагаемость (*Он, предположительно, потерпел аварию* > Он потерпел аварию. Но этот факт предполагается).

Различие между составляющими третьей и четвертой групп выражается лишь в последнем признаке, который отчетливо выявляется при трансформационном анализе:

Мой собеседник, естественно, отказался от предложения > *Мой собеседник отказался от предложения, и это было естественно с его стороны.*

Он, казалось, мог обогнать идущую впереди машину > *Он мог обогнать идущую впереди машину, но это лишь казалось ему.*

В первом случае модальное слово определяет оценку говорящим целесообразности действия со стороны субъекта сообщения, а во втором – целесообразность/возможность действия для субъекта сообщения.

Современная классификация модальных слов, обладающих прагматической направленностью достаточно близка к воззрению А.М.

Пешковского. Она лишь углубляет его разработкой специфичных процедурных элементов анализа, представленных в формализованном виде. А.М. Пешковский, выделяя вводные слова и словосочетания, полагал, что «их можно разбить на три разряда:

а) слова и сочетания, показывающие, как говорящий относится к той или иной мысли: верит он в нее или нет, доволен он ей или нет, хочет он осуществления ее или нет и т. д. *конечно, вероятно...*;

б) слова и сочетания, показывающие, что говорящий считает высказанную мысль не своей, а чужой: *мол, де, дескать...*;

в) слова и сочетания, выражающие отношение данной мысли к предыдущей или последующей речи и стоящие на рубеже между вводными словами и союзами: *итак, значит, следовательно...*» [35, с. 409-410].

Приведенные классификации в значительной мере отличаются от разрядов модальных слов (и частиц), выделяемых по их значению и употреблению.

2.1.2 Междометия

Наиболее выраженным прагматическим потенциалом обладают междометия. По точному замечанию В.В. Виноградова, «междометия составляют в современном языке живой и богатый пласт чисто субъективных речевых знаков, именно – знаков, служащих для выражения эмоционально-волевых реакций субъекта на действительность, для непосредственного эмоционального выражения переживаний, ощущений, аффектов, волевых изъявлений. Выражая эмоции, настроения, волевые побуждения, междометия не обозначают и не называют их. Не обладая номинативной функцией, междометия имеют осознанное коллективом смысловое содержание» [23, с. 611].

С синтаксической точки зрения определяет междометия П. Шахтер. По его определению, «междометия представляют собою слова, нередко носящие

характер восклицаний, которые могут составлять самостоятельные высказывания и обычно не вступают в синтаксическую связь с находящимися рядом словами» [Цит.по: 5, с. 58]. Подвергая некоторой критике терминологию автора определения и пытаюсь выделить «лексический прототип» междометий, А. Вежбицка предполагает, что «общим для таких слов, как ah, oh и wow или ouch, является их семантический инвариант, который можно выразить на языке семантических универсалий следующим образом: Я СЕЙЧАС НЕЧТО ЧУВСТВУЮ (где ЧУВСТВОВАТЬ охватывает как «телесные», так и «ментальные» чувства)» [20, с. 158]. И действительно, выражение определенного чувства (радости, огорчения, страха и т. п.) является самой существенной прагматической характеристикой междометий.

В.В. Виноградов приводит десять основных разрядов междометий, фактически опираясь на современные категории прагматики, хотя и отталкивается от грамматических показателей:

1. Междометия, выражающие чувства и эмоции (*ах! ох! увы!...*). Все междометия этого разряды «внеграмматичны», аморфны и не сочетаются с другими словами.

2. Примыкающие к разряду эмоциональных междометия, производные от имен существительных (*батюшки! глупости! страсть!...*), которые отличаются от иных и характером интонации, и смысловыми возможностями, и синтаксическими особенностями.

3. Междометия, представлявшие собой не столько непосредственное выражение эмоций, настроений и ощущений, сколько эмоциональную характеристику или оценку состояния (*дело - табак! крышка!...*).

4. Междометия, выражающие волевые изъявления, побуждения, так называемые междометные императивы (*вон! прочь! долой!...*)..

5. Междометия, которыми выражается эмоционально-волевое отношение к речи собеседника, реакция на нее или в которых обнаруживаются аффективные оценки, вызванные репликами собеседника

(*да! конечно!...*). Междометия этого разряда, кроме своеобразия значений и интонирования, выделяются тем, что легко включаются в структуру других предложений в качестве эмоционально-модальных слов.

6. Междометия, являющиеся своеобразными экспрессивными звуковыми жестами, которыми обмениваются в соответствии с этикетом в разных случаях жизни (*мерси! спасибо!...*). На них лежит отпечаток эмоциональной изъясительности глагольного типа.

7. Очень емкие по своим интонационно-смысловым оттенкам бранные междометия (*черт возьми! черт побери!...*).

8. Звательные (вокативные) междометия (*господи мой!*).

9. Разряд воспроизводящих или звукоподражательных восклицаний (*бац! хлоп!...*).

10. «Междометные глагольные формы», употребляемые обычно или особенно часто в значении прошедшего времени совершенного вида (с ярким экспрессивным оттенком мгновенности) (*Я повернулся... трах! пола к черту.*).

Думается, что приведенная В.В. Виноградовым классификация междометий вполне релевантна. С точки зрения частотности употребления отдельных видов для практического рассмотрения в качестве дифференциальных показателей прагматических особенностей высказываний различного характера.

2.1.3 Служебные слова

Далее мы переходим к рассмотрению в интересующем нас аспекте модальных частиц. Прежде чем приступить к детальному анализу, попытаемся кратко изложить первичные наблюдения над этим материалом.

Нет никаких сомнений в том, что в настоящее время достаточно актуальной проблемой теории языка и ее прикладных аспектов, в частности, лексикографии, представляется адекватная репрезентация прагматической

значимости языковых единиц. В подтверждение этой мысли можно сослаться на ряд работ, в которых подчеркивается необходимость поиска ответов на вопросы о том, каким способом следует представлять дискурсивно-прагматическую информацию и как взаимосвязаны друг с другом синтаксическое, семантическое и прагматическое представление высказывания [19, с. 11-13]. Однако думается, что лексикографии на нынешнем этапе ее развития практически не под силу справиться с задачей объективного отображения прагматических особенностей языковых единиц, хотя частично это может быть реализовано уже в обычном толковом словаре, предназначенном как для носителей языка, так и для иностранцев.

Для примера обратимся к известному четырехтомнику СРЯ под редакцией А.П. Евгеньевой. Здесь достаточно емко передаются прагматические характеристики частиц. Следует заметить, что именно частицы, как неизменяемые слова, не имеющие собственного лексического значения и значимости члена предложения и относящиеся в нем к какому-либо компоненту или к предложению в целом, и выступают в высказывании в роли главного прагматического индикатора. Сопоставим два момента в толковании частиц *да, же, уже*:

ДА, частица... 6. усилительная. Употребляется в начале предложения для придания высказыванию большей силы, выразительности.,|| внутри предложения перед сказуемым или группой сказуемого для усиления их значения [30, с.359].

ЖЕ и *Ж*, частица усилит. 1. Употребляется для усиления, подчеркивания значения слова, после которого ставится, а также для усиления смыслового содержания (утверждения, вопроса, побуждения и пр.) высказываемого...

2. Употребляется после местоимений и местоименных наречий для подчеркивания одинаковости, сходства или неизменности, постоянства чегол...[30, с. 474].

УЖ 2. усилительная частица. Употребляется при местоимениях и наречиях для подчеркивания их значения...

3. усилительная частица. Употребляется в начале предложения для усиления просьбы, утверждения и т. п... [30, с. 472].

Если в первом и последнем (3) случаях прямо указывается возможная позиция частиц *да* и *уже* в структуре высказывания, то во втором содержится лишь косвенное указание («после которого ставится»). Хотя можно было бы совершенно справедливо отметить: частица *же* (*ж*) не может занимать позицию в начале предложения. Это могло бы быть самой существенной характеристикой способа реализации частицей прагматического потенциала. Но это далеко не самое серьезное замечание. Толкование прагматической нагрузки лексических единиц вообще, а не только частиц должно строиться с использованием определенного метаязыка, указывающего именно на иллокутивный фактор, который уже достаточно четко отработан как теорией коммуникации, так и собственно лингвистикой. Речь идет о таких категориях, как альтернативный вопрос, констатация, адверсативное, волюнтативное высказывания и т. п. Более того, здесь можно было бы указывать и на тип интонационного оформления высказывания с участием частиц. Например: «с восходящей интонацией», «с нисходящей интонацией», «с восходяще-нисходящей интонацией».

Известно, что именно интонация способна варьировать прагматическую направленность высказывания от констатации до адверсации, сомнения, утверждения, волеизъявления. Достаточно сравнить такие варианты:

Уж я не хочу, чтобы...; Уже я не хочу, чтобы..! Уже я не хочу, чтобы..!

Наряду с использованием толкового словаря, вполне способного представлять элементы прагматики, еще более целесообразна разработка специального прагматического словаря, который мог бы представить в описательном или формализованном виде все типы реализации каждого из

возможных иллокутивных актов с участием специализировавшихся в прагматике языковых средств.

Представленные первичные постулаты дают возможность перейти к анализу теории частиц.

Частицы – это такие служебные слова, которые выражают смысловые и модально-экспрессивные оттенки предложений и слов и участвуют в образовании форм слов. Однако известно и несколько иное определение этого класса служебных слов, полагаемое присущим немецкому языку, но, как мы считаем, вполне экстраполируемо и в систему частей речи русского. Под этой категорией понимаются слова, отличающиеся от иных несклоняемых (наречий, предлогов и пр.) тем, что они не являются членом предложения, не могут занимать абсолютную препозицию в предложении перед спрягаемой формой глагола, как правило, относятся не ко всему предложению, а только к одному слову, вместе с которым и могут менять позицию в рамках предложения, и не могут быть ответом на прямой и уточняющий вопросы.

Это определение указывает на большую трудность грамматического описания частиц. Поэтому, исходя из того, что частицы, лишённые в своем большинстве денотативного значения, обладают существенным прагматическим потенциалом, эксплицируемым в живой речи (преимущественно обиходно-бытового (но не только!) характера), мы считаем необходимым в описании этого класса обращаться именно к его коммуникативно-прагматическим факторам. В традиционной грамматике эта особенность была не отражена.

Опираясь на классификацию В.В. Виноградова, В.А. Белошапкина и др. выделяет по признаку «функция» частицы, участвующие в выражении грамматических значений наклонения совместно с другими элементами глагольной формы (речь ведется о повелительном и сослагательном наклонениях и частицах *бы, да, давай, пусть, пускай*), и частицы, имеющие лексические значения. Вторая категория подразделяется на несколько

семантических разрядов: отрицательные частицы (*не, ни*); усилительные (*Далее он пришел; Он более знал об этом*); выделительные (*Только он пришел; Лишь он знал об этом*); вопросительные (*Неужели он пришел? Разве он знал об этом?*); восклицательные (*Ведь он пришел!; Он куда как знал об этом!*); указательные (*вот, вон, это*); определительно-уточняющие (*именно, точно, почти*); утвердительные (*действительно, конечно, точно*); выражающие передачу чужой мысли (*мол, дескать*) [9, с. 529].

Разумеется, эта классификация лишь косвенно пересекается с прагматическими характеристиками частиц. Тем не менее она тоже может быть экстраполирована в описание частиц.

По своему характеру частицы в функциональном аспекте могут выступать в роли индикаторов, модификаторов и участвовать в управлении речевыми актами. С одной стороны, они могут быть «иллокутивными индикаторами», то есть индикаторами для речевых актов, которые в том случае не эксплицируются в конкретной поверхностной структуре предложения, с другой – они модифицируют и направляют речевой акт, закрепляют его в контексте и оказывают таким образом влияние на условия общения.

Эти положения могут быть проиллюстрированы на примере простого высказывания *Ты можешь открыть окно*, которое в зависимости от контекста и ситуации может восприниматься как констатация, совет, побуждение. Именно включением в структуру высказывания соответствующей частицы подобная прагматическая многозначность элиминируется либо, в худшем случае, минимизируется. Скажем, высказывание *Ты же можешь открыть окно* в значительной мере воспринимается как совет; *Уж ты можешь открыть окно* – как побуждение; *Конечно, ты можешь открыть окно* – согласие с желанием собеседника и др. Здесь мы совершенно согласны с Г.Хельбигом, который полагает, что описание прагматического содержания частиц оптимальнее

всего осуществлять методом их численно максимальной постановки в одну и ту же позицию одного и того же высказывания, например:

Пицца же вкусна

-то

все-таки

тоже

однако

именно

собственно

мол

дескать

и др. [32, с.14]. Этот метод сопрягает классификацию частиц с типом речевого акта. И это сопряжение вполне может быть использовано в измерениях прагматических особенностей текстов различного функционального стиля и быть их показателем.

Однако вернемся еще раз к теоретическим тонкостям изучения частиц.

Поводом для этого является очень интересное замечание Ю.Д. Апресяна по поводу вопросительных частиц «разве и неужели в предложениях типа

Разве там можно обеспечить хороший быт?

Неужели там можно обеспечить хороший быт? [4, с. 48-49].

Фактически оперируя категориями прагматики, Ю.Д. Апресян делает упор в семантику сопоставляемых частиц. Его рассуждения с прагматической точки зрения интерпретируют М.Б. Бергельсон и А.Е. Кибрик. Они, опираясь на приведенные последними толкования, полагают: «Итак, в значении лексемы *разве* иерархия пропозиций имеет вид: «просить...» > «сомневаться...», а в значении лексемы *неужели* – «сомневаться...», > «просить...» (Характерно, что в толкованиях в качестве грамматических средств выражения этих иерархических отношений

используются формы независимого предложения и деепричастного оборота, что соответствует их позициям в пропозициональной иерархии,..).

Таким образом, в русском языке средствами абсолютной ПС (приоритетной стратегии) в лексическое значение этих лексем уже встроена та или иная иерархия компонентов значения, что обеспечивает говорящим возможность выбора двух «маршрутов изложения» соответствующей ситуации» [10, с. 353].

Не принимая во внимание некоторую нестройность терминологии авторов, заметим, что не абсолютная ПС «встроила» в значения иерархию компонентов, а наоборот – выводится из них, поскольку все-таки в основе становления языковых единиц лежит референция, а не перспектива стратегического назначения их функционирования. Далее, с учетом критерия, по которому частицы не могут выступать ответом на альтернативный вопрос (ср.: *Ты можешь поехать в Москву? - Разве; Неужели*), оба слова подпадают под этот разряд лексики. Однако, если частица *разве* в приведенном примере в большей мере связана с модальным глаголом (что и выражается просодически), то *неужели* относится ко всему предложению, что сближает его с модальным словом.

Таким образом, граница между частицами и модальными словами в семантическом и грамматическом отношениях, действительно, достаточно неустойчива. Конституенты этих разрядов могут менять свой статус. Но и модальные слова, и частицы объединяет одно – они всегда несут прагматическую нагрузку, которая реализуется в конкретных иллокутивных актах.

Интересным с точки зрения затронутых проблем представляется исследование *частиц еще, уже, только* в составе обстоятельства времени В.В. Гойдиной [24, с. 110-123], которая поставила задачу определить, в каких словосочетаниях временного значения употребляются эти частицы, как лексическое значение, свойственное каждой из них, изменяет содержание предложения в целом. Автор отмечает, что общим для временных

конструкций, в состав которых включаются указанные частицы, является усиление, уточнение, ограничение временной характеристики, однако каждая из частиц вносит свой, присущий только ей смысловой оттенок.

Частицы *еще* и *уже* выступают своеобразными темпоральными антонимами. Первая из них указывает на актуальность сообщаемого факта, недостижение предела и на временное неосуществление предстоящего. Вторая частица, напротив, подчеркивает достигнутость предела, осуществленность перехода в новое качество, новое состояние, акцентирует досрочность этого осуществления или указывает на значительно более позднее, чем предполагалось, время совершения факта. Обе частицы выделяются субъективнооценочным характером своей семантики, поскольку актуальность сообщаемого факта или досрочность осуществления определяется автором высказывания. Встречаясь в аналогичных предложениях, частицы *еще* и *уже* придают одному и тому же предложению несколько разный смысл, определяя или отсроченность предела, недостижение потенциального предельного срока совершения действия, перехода в новое состояние, неисчерпанность предела (*еще*) или досрочное преодоление предела (*уже*). В подобных случаях употребление частиц настолько сходно, что смысловое различие едва ощущается.

Однако в силу значения неисчерпанности предела частица *еще* одинаково употребляется и в утвердительных и в отрицательных предложениях, тогда как для частицы *уже* употребление в отрицательных предложениях не характерно. Автором высказывания и в том и в другом случае относительное время совершения действия оценивается как раннее.

Аналогично рассматриваются характеристики и других частиц. При этом речь идет фактически о прагматических категориях, ср.: «В языке художественной литературы частицы *еще* *уже*, *только* (и *только*) наряду с внесением в словосочетание или предложение в целом уточнения, оценки, акцентирования темпоральной информации обладают способностью изменять отношения места во временные отношения либо четко проявлять их

там, где они могли сопровождать выступающие на первый план содержания локальные отношения. В языке научной прозы это не отмечается» [24, с. 122].

Анализ прагматического потенциала грамматических классов слов современного русского языка позволяет сделать вывод о том, что среди них могут быть выделены два прагматических субкласса – субкласс изменяемых слов, к которому относятся модальные и перформативные глаголы, и субкласс неизменяемых, объединяющий инфинитив, модальные слова, междометия и частицы. Для первой категории лексики характерно наличие собственного лексического значения, для второй (за исключением инфинитива) – его отсутствие. Первый субкласс может быть обозначен как семантико-прагматический, второй – как формально-прагматический. Инфинитив занимает промежуточное положение между двумя субклассами. С одной стороны, он всегда наделен собственным лексическим значением, а с другой стороны – он всегда выступает индикатором «прагматической окрашенности» высказывания. Исключением из этого правила может, пожалуй, считаться употребление инфинитива в именной функции, но при этом мы имеем дело с его транспозицией (*Курить – здоровью вредить*), поскольку употребление двух глагольных форм в роли подлежащего и сказуемого давало бы лишь двойную предикацию. Поэтому можно настаивать на том, что инфинитив всегда эксплицирует свой прагматический потенциал. Это касается и волеизъявительных высказываний (*Молчать!*), и образования аналитических временных форм, связанных с возможностью, реальностью и пр. (*Я буду читать*), где прагматически модифицируется временная перспектива, что специально доводится до сведения собеседника. В иных случаях модально-временных модификаций отсутствие инфинитива обязательно компенсируется наличием иных формально прагматических индикаторов (*Я почитал бы*). Тем не менее прагматический потенциал высказывания не может увеличиваться вдвое или втрое, даже если в состав одного высказывания включаются инфинитив, модальный глагол и частица

(*Я хотел бы почитать*), поскольку лишь один элемент несет на себе прагматическую нагрузку. В данном случае доминирующая роль отводится частице. Два других потенциально «прагматизированных» элемента попросту выполняют назывную функцию. Таким образом, прагматические средства нейтральны по отношению друг к другу.

2.2 Функциональные разряды прагматем разговорной речи

В первой главе настоящей работы была рассмотрена классификация прагматем Н.В. Богдановой-Бегларян. Разряды прагматем выделены исследователем на основании их функции в разговорной речи.

В этом параграфе настоящей главы, применяя классификацию Н.В. Богдановой-Бегларян с некоторыми изменениями и используя данные Звукового корпуса русского языка (далее ЗКРЯ), созданного на филологическом факультете СПбГУ, мы методом сплошной выборки выбираем контексты, в которых обнаружены прагматемы. Подробно изучен блог из этого ЗКРЯ – «Один речевой день» (далее ОРД), поскольку именно в нем представлено немало контекстов с коммуникативно-прагматическими единицами. Отметим, что материалом исследования также послужили кинофильмы, радио-телепередачи, интернет-блоги.

В классификации Н.В. Богдановой-Бегларян первый класс прагматем назван междометными прагматемами. В отличие от своих производящих междометные прагматемы не являются этикетными формулами, утрачивают семантическую связь с ними, приобретают новое значение, прагматику и просодику, становятся независимыми в синтаксических конструкциях:

*вы не хотите ин... оформить инвалидность ? *П так а(:) / кто /а кто мне её (...) да... даст ? # здрасьте! *П тут по... по вашим болячкам / я тут почитала / у вас куча болячек (ОРД);*

так / заставка // вот заставка // а что ж это у меня получилось-то
*?*П чистый лист / **драсьте пожалста!** (ОРД);*

[Мари, А. Клюка, жен, 29, 1970] *И ты будешь то самое целый час?*
[Лямкин, В.Ильин, муж, 52, 1947] *Ага. **Щас** / всё брошу. Размечталась / дамочка. [А. Сурикова, В. Еремин. Хочу в тюрьму!, к/ф (1999)];*

[Марина, жен] *Я? Ха! **Щас прям!** Недостойны они этого!* [Разговор двух подруг (2006)];

*ну ну / **будет тебе @ держи** (ОРД);*

[Знакомый Александра Ивановича, муж] *Назад. [Митя, О. Долин, муж, 27, 1981] Ты это **брось**. Сорок дней пил / а тут... помирает [М. Калатошишвили и др. Дикое поле, к/ф (2008)];*

[Парень, муж] *Да ну ты **брось** / все нормально будет* [Разговор молодых людей в автобусе о последних событиях в жизни // Дальневосточный федеральный университет, База данных «Речь дальневосточников», 2008];

*ну **давайте** / ага // *П хорошо / всё (ОРД);*

*спроси пожалуйста / угу // ну **давай!** *П пока! (ОРД);*

*Дыма / Дыма Дыма / ты не сюда залез // ну-ка **давай!** *П **давай!** (ОРД);*

*так // *П допустим девятьсот четыре / # вот здесь напиши мне /# **давай!** (ОРД).*

Форма прагматемы «*давай/давайте*» используется как этикетная формула, семантически тождественна форме «пока». Однако данные словоформы в повседневной речи используют и в качестве императива, призыва к действию.

Следующую группу прагматем составляют единицы, меняющие свою форму от намерений говорящего. Так, например, слово *тысяча* используется в речи то в полной, то в усечённой форме в зависимости от двух целей говорящего:

1) намерение – преуменьшить сумму:

*такую ставку маленькую / он девять **тыщ** получал / что-то в таком духе.*

*по двенадцать-то **тыщ** я бы и сам платил / даже за однокомнатную.*

2) намерение – преувеличить сумму:

*от (э-э) эта самая девушка как раз (...) говорит / что... / вот оказывается она очень дорого стоит где-то там (э-э) больше двух **тысяч** один (...) сеанс.*

*но у Барчукова-то как бы / но и машину *Н / и сама заработала **восемьдесят тысяч**.*

Интересно, что два значения этой прагматемы могут быть реализованы в одном контексте: [Олег, С. Астахов, муж, 34, 1969] *Где **триста тысяч**?* [Кирыч, муж] *Какие... какие **триста тыщ** / товарищ?* [Олег, С. Астахов, муж, 34, 1969] *Я вам **щас** объясню* [В. Бутурлин, В. Еремин. Есть идея, к/ф (2003)].

Следующая группа прагматем в данном исследовании самая многочисленная, она включает дискурсивные единицы, утратившие свое лексическое значение и приобретающие новое – прагматическое. Эти единицы в повседневной речи выполняют различные функции:

1) *гезитативная функция* состоит в том, что вербально заполняют паузы гезитации (речевого колебания) [14]:

*будет / (э-э) **вот знаешь что** / какой нам бабке-то дать?;*

*да там **какие-то** / **эти самые** / и (ещё вот) / что-то по-моему / она **какие-то протоколы разногласия** пишет // **я не знаю**.*

2) *поисковая функция*: посредством прагматем говорящий ищет нужную единицу для выражения мыслей. Однако эта функция, как правило, не основная; она сочетается с некоторыми другими:

*в общем / *В *П **какой-то маразм** / такое впечатление создается // *П и старушка **эта** / *П **вот так знаете** (э...э) *П **взяла / разорвала рецепт / и бросила там ей** (+ гезитация + дейксис + метакоммуникация);*

ой / ха-ха я чего-то / я чего-то / я чего-то запомнила только конец // как они котика накормили / это самое // он начал / это самое / э-э ну это / как его // э-э ну з... /ж... / ну жареной свининой //значит / окунями // и он начал кататься валять по полу // кататься и валяться по полу (+ хезитация);

похоже на картины Шишкина мне почему-то сразу вспомнилось «Утро в сосновом лесу» самая моя / не знаю самая примитивная хранящаяся у меня в голове картина из детства / вот (+ хезитация + метакоммуникация);

*а вот с этими / *П что? с кровью?;*

ну у неё врал /(...) этот (...) прибор наверное.

3) рефлексивная функция реализуется прагматемами, входящие в состав конструкции. Они используются говорящим для оценки, осмысления выбранной единицы для выражения своего намерения:

*ничего не давала // *П главное у неё сегодня этот () как его /(...) лабораторный день / или как сказать? ;*

какая-то (...) ну этот (...) врач терапевт Людмила Андреевна / (...) Перегоршнева или что?;

были (э) как-то вот / (э) (...) вот эти / как их ? лямблии ? или как это?;

*с другими // *П ну (...) неспециалистами так скажем // *П в той области / в которой я работаю.*

4) структурирующая функция прагматем позволяет говорящему выстраивать свой текст, выбирая «стартовые» и «финальные» единицы:

знаешь / вот тоже слабое место так стало быть я там / вот за кордоном / они ж не привыкли ремонтировать // они к этому не привыкли как у нас (старт + метакоммуникация);

*далее / *П значит мы (э...э) *П (э...э) спис... берём / триста второй счёт / *П триста второй двадцать два соответственно материалы // *П должен быть / *П триста второй / *П двадцать три // *П как (э...э)*

денежные документы (навигация + старт нового фрагмента речи + хезитация);

*и она просто / у нее там на на уровне подсознания србатывает / нет / не хочу / потому что // я не знаю почему / **думаю что*** (финал).

Из представленного фрагмента видим, что данные единицы полифункциональны и сочетаются с другими функциями прагматем в речи.

5) дейктическая функция, реализованная чаще всего прагматемой *вот*; данная прагматема входит в конструкцию *вот ...вот* и является одной из лексиколизованных функциональных единиц. К этой прагматеме могут быть добавлены следующие единицы: *именно, только, этот, такой, там, туда, туда*. Отметим, что конструкция с дейктической прагматемой *вот* в некоторых контекстах была полифункциональна:

*обалдеть! *П вот этот вот знаешь / альбуцид / *П (э) закапать в глаза? (+ хезитация + поиск);*

*а вот это вот я не успел // *П раза три наверное пытался это самое у... *Н // # но если семь с половиной / то страховая наверное;*

да юрист-то подписала / и эта бы / # бухгалтер подписала? # она бы подписала / это вот здесь вот видишь это / (...) допущены вот ошибки // СПб (...) ГАМН надо / а вот здесь НАМН // # протокол разногласия надо написать / она подпишут;

это довольно смешно выглядит со стороны // ну / наверно всё // вот так вот (+ финал)

6) метакоммуникативная функция прагматем усиливает контактоустановочную функцию, эти прагматемы более тесно связаны со своей исходной семантикой, чем другие прагматемы, они также полифункциональны:

*а сейчас /а сейчас они вот / (э...э) страховую да [а] сперва? *П (э...э) / ну у кого какая страховая / понимаешь [б] ? у кого большая / тому выгодно // а у кого (...) она не повышалась* *П вот* (+ навигация [б]);

так / а где здесь эт ну / не новым / а (...) фи... физическое состояние его увеличилось на проценты // # **вы знаете что [а]** ? *П вот / я думаю что / (...) это не совсем правильный подход / потому что вот что касается компьютера / **да [б]** ? *П # угу // # вот если мы в него как бы дополнительно вкл... вкладываем / и меняем его в лучшую сторону / **да [в]** ? то да // это увеличивает стоимость основных средств // *П а если мы его просто ремонтируем / то ничего этого не происходит // *П **понимаете? да? [г]** (+ навигация [а], [б], [в] + финал [г]);

да там какие-то / эти самые / и (ещё вот) / что-то по-моему / она какие-то протоколы разногласия пишет // **я не знаю** (+ финал).

7) самокорректирующая функция прагматем позволяет говорящему заполнить паузу для изменения своего намерения или перефразирования своих мыслей:

яркая солнечная погода // говорить можно? так был ярк... **Я это самое** Я был Я июльский день / вот / небо было чистым / безоблачным / солнце Я светило;

мой хороший! позвонить мне / и узнать у меня ! *П ты мне звонишь и спрашиваешь о чем угодно / но об этом *В спросила бы / я бы тебе объяснила бы / *В и ты бы () уже давно бы сделала / и мне бы / в полдесятого / нервы не трепала бы / с этой ерундой / дурацкой! с гектарами! *П что они из вас / животноводов хотят () **этих** (...) фу ты () пахарей (...) чертовых вырастить / что ли?

8) прагматемы-ксенопоказатели [14] вводят в повествование чужую речь:

пришел домой мама мне сказала господи чё ты такой пьяный иди спи **вот** (+ финал чужой речи);

я говорю мама / которая всю / весь спектакль сидит в кресле инвалидном / *В заходит в платье вечернем **такая / типа того** что же она / она уже ходит (+ элемент сравнения, изобразительности);

*ну вот // *П и тут звонок в дверь // стоит этот мужик // *П типа того что блин / *П *Х *П давайте общаться!;*

*он так ласково разговаривает / такой / *В ну вы успокойтесь / у вас все будет нормально // все получится // всё хорошо (+ изобразительность);*

Где-то около часа ночи попался на фен Тосим-босим – Вы нарушили – 97 км/ч. (Интернет);

Сторож, Г.Светлани, муж, 82, 1895] А сперва пождут хозяина или звонят в союз охотников. Так и так / мол / разберитесь. Одна там такая есть [С. Ростоцкий, Г. Троепольский. Белый Бим, Черное ухо, к/ф (1977).

*Мол, дескать, де – прагматемы, которые функционируют в повседневной разговорной речи довольно давно. В современной разговорной речи появились новые прагматемы-ксенопоказатели: *грит/гыт, ах, вот*. Новые прагматемы в речи функционируют наряду со «старыми»:*

К Надьке подхожу и говорю / Надь / почему так произошло? / молчит / вот так / знаешь / типа / мол / не твоё дело

9) ритмообразующая функция прагматем реализуется в речи совместно с ее просодическими единицами (интонация, паузы, темп, система ударений и т.п.):

слушай / где-то (...) | берут эти (...) / взрывные | вещества;

девять тысяч там | с копейками;

там чтобы | не воровали | ничего ;

вот мне там в этом | () пенсионном отделе | / одна вот женщина | говорит;

а чего они так придумали эти (...) | что закрепить действительно никак?

В данных контекстах изохронность создана прагматемами (хотя не без помощи просодических единиц).

10) компрессионная функция осуществляется прагматемами-аппроксиматорами [14]. Данные прагматемы участвуют в реализации закона экономии речевых усилий, которые чаще всего проявляет себя в

повседневной разговорной речи. Благодаря прагматемам-аппроксиматорам осуществляется «замена говорящим одной единицей части начатого перечисления или всего перечисления полностью» [14, с.15]. Данный класс прагматем обширен и разнообразен. Аппроксиматор выступает не как обобщающее слово, а как заменитель всех членов, входящих в ряд перечисления:

*да / печать **и так далее** // ну(:) (у...у) у вас там это про... с... сро... строчки-то совпадут? (м...м);*

*знаешь там / **и так далее** / вот человеку надо ставить конкретную задачу;*

*у неё ... # **а я и то и другое** (э-э) то есть ... # вы с ней очень осторожно;*

*Студент / значит? И ко мне / на практику? Это хорошо. А то **туда-сюда** / а я один [Женя, А. Градов, муж, 27, 1954] [В. Макаров и др. Берегите женщин, к/ф (1981)];*

*Одни мои знакомые решили завести второго ребенка. Так сказать и удовольствие получить, и денег заработать. Ну, **тыры пыры, то-сим босим**. Чериз три месяца потыкали на УЗИ. Парадавали их (Интернет) (орфография источника сохранена);*

*[№ 3, жен, 18] Гончарный круг / колесо / обожженный кирпич / **бла-бла-бла** [Об учебе // Из материалов Ульяновского университета, 2007];*

*А я ей всё_ приготовила / **пятое десятое тридцать пятое** (из разговоров);*

*[№ 2, муж, 22] Ну, у неё сначала любовь-морковь была ко мне, **все дела** [Разговор на улице между мужчиной и женщиной // практиканты, 2005];*

*[Ирина, жен] У нас там картингов нет / своя корочка / там / шапочка и **пятое / и десятое** [Тренинг туристической фирмы (2007)];*

*снайперка причём прилично стреляет // *П с этим / с оптикой / со всеми делами // *П а(:) /п... против кого они воевали ;У него ни денег, ничего... (из разговоров);*

[Мать Галины, жен] Да что же вы наделали с моей доченькой!
*[Мужик11, муж] Чай там / **то-сё** / горячей воды. Скоро стемнеет / и хворать начнёт... [М. Калатозишвили и др. Дикое поле, к/ф (2008)];*

а бочки / по 200 литров / они всё равно потом там / про... проржавеют / и прочее и прочее потом;

*говорят (а э) овал / и(:) эллипсовидный // *П ы-ы // () и **то /и другое**;*

*[Антон, муж, 20] Говорит / в субботу. Ему пока магнит делают / **тоси-боси...**;*

*[Космос, Д. Дюжнев, муж, 24, 1978] Этому десятка светит / а он всё / ля-ля / **тополя** / концерты /скрипочки / Шопен / Мопен... [А. Сидоров, И. Порублев. Бригада, к/ф (2002)].*

11) прагматемы-аппроксиматоры выполняют еще одну функцию – заменяют чужую речь:

*[Юлия, жен, 18] А / мы с тобой же были / помнишь / Настя и Катя. Аааа... Катьку я видела пару раз в университете / ну / мы с ней поскольку не общались / постояли / «привет –Опривет» там / **бла-бла-бла** [Разговор подруг ,интернет-блог];*

*А чаще я сама сажусь на телефон и **ля-лятополя** с его секретаршей... [О. Некрасова. Платит последний (2000)].*

Отдельно рассмотрим прагматему *блин*. Ранее данная единица являлась эвфемизмом детской речи, замещающая абсцентный просторечный вариант. Однако в настоящее время исследователи называют ее междометием, зафиксированным в некоторых словарях [14;15]. Н.В. Богданова-Бегларян называет прагматему *блин* современным клитиком с нейтральной семантикой:

*не / просто уже так привыкли **блин**;*

*те выходные / соцпакет / эти выходные / дебилы **блин** приехали;*

*нет / просто / *П мне очень интересно / *П кто () ху из ху / какого происхождения потому что / *П какой-нибудь там не знаю немец / у него плохая погода **блин** / ну везде плохая погода.*

По мнению Н.В. Богданова-Бегларян, единица *блин* утратила свое значение как междометие, приобрела клитическое функцию и в некоторых контекстах реализовывает ритмообразующую функцию.

Собранный нами материал 5 ОРД (в основном карандашные записи реплик разных лиц Санкт-Петербурга (студентов – преимущественно, магазинные, уличные записи) – объемом не менее 150 реплик) проанализирован с целью подтверждения классификации прагматем, обозначенных Н.В. Богдановой-Бегларян.

Анализ материал показал следующее.

1. Первый класс прагматем – междометные прагматемы – в нашем материале подтвержден словами *давай/давайте* как в качестве этикетной формулы, равной *пока, до свидания*, так и в качестве императива, и согласия:

Я побежала, пока-пока, до понедельника! – Да, Хорошо, *давай* смотри не опоздай! (девушки 20-21 г.) – прощание; *Давай* я найду место? (мужчина 65 л. даме 55 л.) – предложение-императив; *Давай* быстрее и я пойду! (юноши 17 и 24 г.) – императив; *Молодой человек, ну сфотографируйте!* – Ну *давайте* (женщина 35 л., мужчина 30 л.) – согласие.

Таких реплик оказалось не менее 40. При этом (бóльшая их часть – этикетные формулы, равные «пока» и «до свидания» – 20 реплик, далее зафиксированы реплики императивные (12 и затем реплики согласия (8).

Единичными оказались реплики с междометной прагматемой *брось/бросьте*: *Брось! Я сам поступил как хрюндель, это мне нужно извиняться* (мужчина 22 г.) – таких реплик всего 4.

Реплики со словами *пряма, щас* используются в прямом значении: *Мне бы пряма* списочек (студентка преподавателю) – Та-а-к, *щас* я вам все скажу (преподаватель студентам). И таких реплик немного – всего 8. Междометными прагматемами они не являются. Других прагматем данной группы не встретилось (всего 6 реплик).

2. Прагматемы из единиц, меняющих свою форму от намерений говорящего, в нашем материале не зафиксированы.

3. Прагматемы, включающие дискурсивные единицы, утратившие свое лексическое значение и приобретшие новое – прагматическое, в нашем материале выполняют следующие функции:

1) гезитативная функция (паузы гезитации – речевого колебания):

Ты, это самое, расскажи хоть о своей жизни (мужчина 76 л.); *Тут идёт программа «Большой чемодан», и, короче, тут мужик будет на улице петь песни того певца, ну этого, немецкого* (девушка – 16 л.; 10 реплик);

2) поисковая функция:

Я это, ну там/ как его... (женщина 55 л.); *Нет, собственно говоря, об этом у нас речи не было. Я имею в виду то, что... э-м-м... этот проект находится как бы на стадии рассмотрения?* (мужчина-бизнесмен, 30 л.);

Так это... подвиньте продукты (женщина-кассир 35 л. покупателю); *Ну как его, это самое...* забыла (женщина 65 л.); *Купи сахара и это самое...* муку (девушка 22 г.); *Ну это самое... вот что вспомнила/ нам завтра нужно сделать работу!* (девушка 19 л.);

Ну вот... короче, мне мама потом и говорит... (девушка 20 л.); *Ну тогда с этими вот... типа... когда дождь идёт и ты такой промок* (девушка 18 л.); – гезитация + метакоммуникация; 10 реплик);

3) рефлексивная функция

Я те ща, это, все патлы повыдёргиваю (девушка 20 л.); *Ты это, пиши давай. Ну можете это, и не писать* (женщина 30 л.); *Ты это, не опаздывай только* (девушка 20 л.); *Значит/ вы выбрали правильный план* (женщина 35 л.; 7 реплик);

4) структурирующая функция:

Ну вообще/ короче получается/ не знаю (девушка 20 л.); *Не трать время/ значит/ ибо выхлопа не будет* (мужчина 22 г.); *Ну нет, ну не знаю, ну может не замёрзнет* (девушка 20 л.); *Знаешь/ лучше бы тебе не краситься так. Выглядишь очень вульгарно – Знаешь, лучше не давать советы/ когда их не просят* (девушки по 20 л.); *Знаешь чё/ вчера такой фильм посмотрела! Он такой, ну такой... Вообще супер короче!* (девушка 19 л.); *Вот знаешь, я*

вот шел по улице, увидел друга, ну, Стёпу. Помнишь? Так **вот**, он женился, прикинь! (мужчина 27 л.; всего 8 реплик);

5) дейктическая функция, реализованная чаще всего прагматемой *вот*:
Ну вот короче мне мама потом и говорит (девушка 20 л.); *А вот это вот это* ща/ ща/ я те ща такое расскажу! (девушка 19 л.); *Ну погнали до метро, поедем, ну вот* туда, ну ты помнишь... (девушки по 17 л.) (+ хезитация + поиск);

Вот ты мне сегодня на перемене не дала математику списать, а я вчера болел и поэтому не сделал, **вот** теперь сама и носи свой пакет! (юноша девушке в школе 16 л.); *Так вот, Марина, скажите, будет ли кофе брейк?* (преподаватель – участник конференции (45 л.) лаборанту кафедры); *Думаем вот* как-нибудь всем собраться в «Досках», вспомнить старые времена, так сказать (мужчина 22 г.);

На самом деле мне его лечение вообще не важно, в натуре вот (девушка 20 л.);); *Ваще никак. Иначе нереально. Вот так вот* (девушка 17 л.); *Недавно только построили, а уже вот... Уже вот, да* (женщины по 55 л.) (+ финал; всего 20 реплик);

б) метакоммуникативная функция прагматем (усиливает контактоустановочную функцию):

Так, сегодня мы поговорим об английском глаголе, **так**...глагол – это самостоятельная часть речи, обозначающая действие или состояние предмета или лица, **так?** В английском языке признаком глагола/ **так**...**так**. *Признаком в неопределенной форме является частица to, так ведь?* (преподаватель 50 л.; всего 3 реплики)

7) самокорректирующая функция прагматем:

В общем мы тупа в магазин/ в кино поехали (девушка 20 л.); *Не могли бы вы выключить этот*...свой блатняк? (мужчина 30 л. водителю автобуса); *Ну это*...я как бы люблю тебя (мужчина 19 л. девушке);

8) прагматемы-ксенопоказатели, вводят в повествование чужую речь:

Так вот, я говорю, Лена, говорю, о чем ты, говорю, думала-о тогда? (женщина 62 г.); *Мне сказали, что у нас есть скидка и таксист типа короче офигел* (девушка 20 л.); *Она такая я тебе собрала заказ, неси. Я говорю, что у меня такого не было, а она такая типа мне все равно* (девушка 19 л.) (+ финал чужой речи+ изобразительность; всего 15 реплик);

9) ритмообразующая функция прагматем:

Слушай, мне кажется, этот фильм опять затянут (девушка 20 л. мужчине 22 г.); *Слышь, шаболда, не пали так на моего мужчину* (девушка 20 л. подруге); *Слушай, у тебя какие планы на сегодня?* (девушка 19 л.); *Ну мам, вот всегда ты так* (девушка 19 л.); *Как можно так безответственно относиться к своей работе? Вот как? Не понимаю. А вот хамить совсем не обязательно. Лиля, ну вот скажи, почему у нас в больницах такой бардак?* (женщина 70 лет дочери 40 л.); *Ну ты это, не бойся ничего, ладно?* (мужчина 30 л. женщине 35 л. – 12 реплик);

10) компрессионная функция осуществляется прагматемами-аппроксиматорами, в которой аппроксиматор выступает не как обобщающее слово, а как заменитель всех членов, входящих в ряд перечисления:

Опять-таки посмотрим, как год закончит. Если плохо, то... там посмотрим (женщина 50л. о сыне); *Посмотрите на слайд...бла-бла-бла, тут вы можете прочитать* (женщина 40 л. – преподаватель;– 3 реплики).

Прагматема *блин*, рассматриваемая отдельно Н.В. Богдановой-Бегларян, в наших примерах используется в очень значительном количестве (не менее 12 фраз) и выполняет преимущественно функцию междометия или т.н. клитика с нейтральной семантикой, ср.:

Блин, как я могла так ошибиться? (студентка 19 л.); *Да, блин, она говорила типа, спросит не всех* (девушка 20 л.); *Блин, опять переписываю!, Блин, мне поставили тройка по языку* (девушки по 20 л.); *Блин, я тогда лучше к родственникам за город поеду, если так* (мужчина 19 л.); *Ты, значит, типа объясняешь домашнее задание, а ты типа не понимаешь? Что, блин,*

вообще происходит? (девушка 19 л.); **Блин**, капец, льёт как из ведра (девушка 21 г.).

В некоторых случаях **блин** переходит в **бля** и даже в **блядь**:
Еще, бля, он такой ударил меня (девушка 20 л.); *Сделали блядь мне зачетку, я просто ору, полгода делали, полгода, в итоге первая страница по непонятным причинам зах...рена* (мужчина 18 л.).

К счастью, случаи, когда **блин** переходит в нецензурное слово, но с той же прагматемой, в наших примерах единичны.

Таким образом, приведенные нами примеры из собранного материала (150 реплик, записанных в течение пяти дней), показали следующее. Все прагматемы, обозначенные Н.В. Давыдовой-Бегларян, в повседневной речи присутствуют. Однако они требуют дальнейшего исследования. В наших материалах чаще всего используются прагматемы со словами **давай/давайте** в функции императива и в функции прощания, но возможны и в функции согласия. На втором месте оказались прагматемы со словом **вот** как в начале, так и в середине и в конце фразы. Немаловажную роль играют в наших высказываниях фразы с прагматемами **значит, типа, короче, знаешь, это, это самое** в разных функциях. Особое место заняла прагматема **блин** с ее вариантами непечатного характера (которых, к счастью, оказалось немного).

Все сказанное позволяет говорить о необходимости дальнейшего исследования прагматем повседневной речи лиц разных поколений, так как прагматемы могут оказаться более разнообразными и многозначными, чем приведенные в качестве примеров в исследованиях Н. В. Богдановой-Бегларян.

Таким образом, представленный анализ прагматем подтверждает их функциональную значимость в разговорной повседневной речи и необходимость дальнейшего изучения их роли в ней.

2.3 Фразеологические прагматемы

Фразеология не часто используется в разговорной повседневной речи, поскольку, во-первых, устойчивые выражения не придадут речи емкости, во-вторых, фразеология – черта литературного стиля. Однако для разговорного стиля характерна своя функциональная фразеология, например, словосочетания грубо просторечного характера и бранные обороты: *корчить лодыря; намять бока; распустить слюни; дать по шее; языком чесать; черта с два; черт возьми* и др.

Однако обратимся к практическому исследованию на примере своеобразных микросистем фразеологических единиц.

Для проверки предположения, высказанного в предыдущем разделе, мы обратимся к глагольным фразеологизмам с доминантным компонентом *хлебать*. Этот глагол относится к просторечному уровню наиболее архаичного слоя лексики русского языка, референциально связанному с представлением о способе существования человека. Сам глагол, вступая в синонимические отношения с прочими глаголами со значением «принимать пищу», фигурирует в системных группировках (синонимических рядах) практически всех конститuentов лексико-семантической группы [2; 36, с. 580].

Его этимология имеет следующую характеристику: *хлебать* – «есть с причмокиванием». В основе (датируется Ив.) усматривается звукоподражание, как у *хлипать* [46, с. 242]. Возможна связь с корнем к.-е..* *glabh-*, **globh-*, **gelebh-* "schahen, aushohlen, herstellen", («скоблить, потрошить, изготавливать»), отсюда родство с нем. f.Kelle «разливная ложка» серб.-хорв. *glabati* «лакомиться» и др. [там же].

Выборка из фразеологического словаря [46, с. 507] позволяет отобрать для анализа следующие сочетания:

Несолоно хлебавши. Обманувшись в своих ожиданиях, не добившись желаемого.

За семь верст киселя хлебать [есть]. Прост. Ирон. Далеко и попусту идти, ехать, тащиться и т. п. Семь верст киселя хлебать [есть].

Лаптем щи хлебать. Прост. Жить, прозябать в нищете, невежестве; быть отсталым, некультурным.

Хлебнуть через край. 1. Испытать многое. О нужде, горе и т. п. 2. Выпить лишнее.

Попытаемся рассмотреть этимологию фразеологизмов на уровне первичных значений их элементов.

Оборот *несолоно хлебавши* образован на основе первичных значений «соленый», «рассол» [46, с. 715] и, скорее всего, «изготавливать» (и.-е. *glabh-, *globh-, *gelebh-). В современном языке исходное значение первого элемента фразеологической единицы употребляется с отрицанием. Таким образом, на уровне гипотетической реконструкции оборот представляется смысловым сочетанием: Приготовить соленое, которое далее было трансформировано в Приготовить несоленое, то есть «испортить продукт» -> «тщетно извести время», «не достичь желаемого».

В историческом аспекте дается следующая трактовка развитию фразеологизма: «Происхождение выражения связано с тем, что соль на Руси была рогим и труднодобываемым продуктом: «хлебать с солью» считалось примерно таким же признаком состоятельности, благополучия, как в наши дни «сладко есть». Поэтому и расходовали соль экономно: пищу готовили без соли, солонку ставили на стол. Солил еду хозяин: больше тому, кого любил и уважал (ср. пересолить «перестараться»). Незнатному или нежеланному посетителю соли и вовсе не доставанось» [36, с. 604],

В данном случае мы имеем дело с генерализацией семантики сложной единицы: изначальное конкретное значение, связанное с ситуацией приема пищи, было абстрагировано с переносом обозначения на множества ситуаций, в основе которых лежит представление об обмане каких-либо надежд.

Прагматической детерминантой фразеологизма послужило отрицание первого элемента сочетания. По сути, фразеологизм за счет отрицания получил стимул к антонимическому переносному развитию семантики и, соответственно, негативной коннотации.

Фразеологизм *семь верст киселем хлебать* образован на основе сочетаемости значений следующих архетипов: семь <—и.-е. septal «седьмой, семь» [46, с. 599-560]; верста (изначально «оборот плуга») <— вертеть <— и.-е.*ver- «становиться» [46, с. 300, 301]; кисель <- др.инд. khvathati «кипятит, варит» [46, с. 239, 218]; хлебать - и.-е. «скоблить, потрошить, изготавливать». Гипотетическая реконструкция исходной семантики фразеологизма; дает следующую смысловую последовательность: Становиться седьмым скоблить (и) варить. Столь сложная конструкция исходных значений и могла послужить основой для: перенесения обозначения на ситуации, связанные с нецелесообразностью действия, даже его абсурдностью.

Анализируя в этимологическом аспекте составные компоненты фразеологизма *лаптем щи хлебать*, следует отметить, что существительное *щи* возводится через реконструируемый архетип *сѣть - др.русс. сѣто - к первичному му значению «пропитание» [46, с. 506], а лапоть через праслав. */a/?ъ/ь связан с лапа в современном значении [46, с. 459; 458]. Таким образом, первичные значения компонентов фразеологизма при замещении современной лексики, собственно, значений современной лексики, дают следующие гипотетические сочетания: *Лапой пропитание опустошать* либо *Лапой пропитание готовить*. В данном случае изначально сочетанием первичных значений была запрограммирована негативная семантическая коннотация, что и позволило генерализовать значение фразеологической единицы.

Последний оборот из рассматриваемой группы образован на основе комбинирования первичных смысловых элементов и.-е. *кгеи- «делить, разделять» и «скоблить, готовить, потрошить» - *Приготовить и поделить*.

Вполне корректная сочетаемость первичных значений далее послужила основанием для развития негативной коннотации, В широком понимании и здесь мы наблюдаем процесс антонимической эволюции фразеологизма.

Думается, что предлагаемый метод, апробированный на приведенном материале, показывает свою эффективность и может быть использован в изучении прагматической обусловленности формирования образных устойчивых выражений, которые могут встречаться в речи.

2.4 Прагматемы в высказывании

Судя по первичным наблюдениям, особую прагматическую нагрузку в коммуникативном акте несут в себе речевые стереотипы (известные также как речевые клише). «Речевые стереотипы представляют собой высказывания, которые возникают в процессе общения в жестко канонизированной форме и подвергаются стандартизации, многократно повторяясь в аналогичных коммуникативных проявлениях. Эти языковые единицы имеют характер формул» [28, с. 124]. Эта идея восходит к учению О. Есперсена, который отмечал различие между свободными выражениями и речевыми стереотипами, полагая, что в предложении типа *How do you do!* ничего изменить нельзя - ни паузу между словами, ни сместить ударение. В предложении же типа *I give the boy a lump of sugar* можно выделить ударением любое из полнозначных слов, заменить личное местоимение первого лица местоимением третьего и т.п. «Разница между свободными выражениями и формулами заключается в том, что формулы воспроизводятся как усвоенные и хранящиеся в памяти цельные образования, а свободные выражения создаются говорящими в каждом конкретном случае заново» [21, с. 16; 28, с. 124].

Здесь можно заметить, что и свободные выражения можно считать таковыми лишь условно. Подобно тому, как слова, состоящие из морфем, воспроизводятся в готовом виде, так, пожалуй, и предложения

воспроизводятся в готовом виде, извлекаясь и языковой памяти. Редко какой мастер слова способен создать пространный текст, сплошь состоящий из нетривиальных высказываний. В этой связи уместно воспроизвести смежное по замыслу высказывание

И.Е. Аничкова: «Каждое слово в каждом языке в определенный момент его развития входит в ограниченное количество более или менее устойчивых сочетаний слов, и в каждом языке в определенный момент обращается ограниченное число сочетаний. Каким бы странным ни показалось это утверждение на первый взгляд, общее число этих застывших или устойчивых сочетаний для каждого языка относительно невелико. В то же время любая фраза, произнесенная или взятая из любого текста, полностью из них состоит» [2, с. 141]. Однако подчеркнем, что речь шла лишь об относительной «свободе» создания свободных выражений.

По поводу речевых стереотипов можно сделать еще одно небольшое отступление: формально они могут быть отнесены к фигурам речи, если последние понимать в духе К. Ясперса, предложившего следующее определение: «Фигурами речи называются предложения и комплексы предложений, которые, становясь типическими формами, идентично повторяются» [34, с. 110]. Однако в содержательном отношении фигуры речи трактуются более специфично – как сравнения, повторы и пр., - т. е. в большей мере как семантические категории, а не коммуникативно значимые.

Т.П. Третьякова отмечает, что в современных синтаксических классификациях речевым стереотипам, как правило, отказывается в предложенческом статусе ввиду ограниченной структурной формы, поскольку в них часто отсутствует предикат в личной форме (*Доброе утро! Приятного аппетита!*) либо при наличии предикатной структуры их значение определяется не семантикой предиката, а всей коммуникативной ситуацией, в которой это высказывание используется. Следовательно, можно полагать, что каждое такое высказывание наделяется атрибутом

коммуникативной значимости, актуальный смысл которого тесно связан с правилами и типами конкретных коммуникативных ситуаций. В этих ситуациях собственно и создается речевой стереотип как явление социально-речевое, закрепляющееся в памяти данного языкового коллектива и обретающего кодифицированное коммуникативное значение выступать регулятивами человеческих общений.

«Высказывания обрастают, семиотическими стереотипами в процессе усвоения и употребления в определенных коммуникативных ситуациях. Они относятся к той области знаний, которая нацелена на обслуживание социальных потребностей в сложно структурированной коммуникативной ситуации.

Это некий универсум стратегий и тактик коммуникантов, ограниченный рамками особой коммуникативной системы, которая может изменяться во времени, но в каждый отдельный момент времени является стабильной» [27, с.125]. Пожалуй, в этой посылке содержится некое внутреннее противоречие: с одной стороны, речь идет о сложно структурированной коммуникативной ситуации, с другой – об определенных коммуникативных ситуациях и особой коммуникативной системе. Эта трактовка, по сути, очень верная, но несколько аморфная, не увязывается с положением о «семиотических стереотипах». Действительно, речевые стереотипы могут быть переведены в плоскость семиотики. И именно на том основании, что они в большей мере выполняют функцию фатического общения, что сближает их в прагматическом отношении с дейктическими элементами высказываний. Различие только в том, что дейктики, как правило, выступают идентификаторами в рамках одного высказывания, а речевые стереотипы – в рамках целой ситуации, поскольку они способны индицировать характер отношений коммуникантов друг к другу – вежливое этикетное приветствие, официальность отношений и пр. Кстати, с этим положением косвенно соглашается и Т.П. Третьякова, отмечая, что "близость речевых стереотипов к говорящему субъекту и автоматизм воспроизведения

ставят эти высказывания близко к разряду междометий. Речевые стереотипы сближает с междометиями и тот факт, что им не предписывается предметно-логическая соотнесенность с действительностью, но лишь номинация области, к которой они относятся. Важная семантическая черта междометий – обобщенность выражаемого ими смыслового содержания, раскрываемого обычно в предшествующем или в последующем высказывании или же уточняемого интонацией, мимикой, жестами" [27, с. 124].

Высказанное положение находит подтверждение и в классификации стереотипов по их коммуникативной значимости. Так, В.Г. Гак ранее предлагал следующие разряды коммуникативов: 1) логические коммуникативы, передающие утверждение и отрицание; 2) вопросительные; 3) побудительные; 4) эмотивные; 5) обращения; 6) формулы общения: приветствия, благодарности и т. д., которые нередко сочетаются с обращениями; 7) звукоподражательные [24, с. 165]. Думается, что в большей мере эта классификация относится к частицам и междометиям. Зато последующая градация непосредственно направлена на упорядочение речевых стереотипов: 1) формулы этикета: здравствуйте, спасибо; 2) реакции на неожиданные звуки: будьте здоровы; 3) реакции на появление чего-либо или кого-либо, на возникновение чего-либо, на повторение явления: только этого и не хватало; здравствуйте, я ваша тетья; опять двадцать пять; 4) реакция на определенную ситуацию: порядок (*Прости-прощай*); 5) реакция на слова или вопросы, на мнения собеседника или иного лица: *с чего вы это взяли! спрашиваешь! а ты думал!*; 6) оценка слов и действий другого человека: *ты с ума сошел! как не стыдно!* 7) выражение побуждения: *давай-давай!* [24, с. 47-48].

По свидетельству Т.П. Третьяковой, на близость междометий и речевых стереотипов в отношении их способности выступать в виде самостоятельных коммуникативных или включенных номинативных единиц указывала Н.Н. Амосова [7, с. 138-139], которая отмечала их такие синтаксические функции, как способность выступать вводным членом

предложения; модальным вводным членом, самостоятельными коммуникативными единицами. Автор приводит следующие разряды «функциональных групп фиксированных сочетаний»: 1) этикетные высказывания (*Доброе утро!* и др.), которые относятся к единицам устойчивого контекста, но не к фразеологизмам; 2) высказывания повелительной структуры (*Береги время!* и др.), которые относятся к фразеологическому фонду; 3) фразеологизмы междометного характера [40, с. 130].

Все представленные особенности речевых стереотипов дают основание для констатации того, что привлечение к изучению этих единиц категорий семиотики дает возможность описать их сложную семантическую структуру, которая включает в себя такие моменты, «как отношение между людьми, между человеком и объективным миром. Эти семиотические категории близки к области функциональной семантики, поскольку они включают социальные, культурные и национальные факторы» [27, с. 131]. Разделяя эту точку зрения, заметим, что еще ближе они к области прагматики.

Последним моментом прагматического измерения синтаксиса, требующим особого освещения, является теория речевых актов.

Судя по общей теории, для начальной стадии коммуникативно-ориентированной лингвистики характерным было установление непосредственного и однозначного соответствия между локутивными и иллюкутивными актами, т. е. между формой высказывания и речевым действием, например; между вопросительным предложением и вопросом. Аналогичным представляется подход начальной стадии семантически ориентированной лингвистики, когда постулировалось прямое соответствие синтаксических и семантических качеств, в результате которого дистрибуция рассматривалась как непосредственная рефлексия значения. Точно так же, как дальнейшие исследования поверхностной и глубинной структур привело к пересмотру этого постулата, положение о прямом соответствии между категориями синтаксиса и коммуникации требует пересмотра.

Необходимость уточнения обнаруживается достаточно легко. Традиционная лингвистика склонялась к наличию прямых соответствий между обеими категориями. Отсюда и укрепилась классификация предложений по их коммуникативной значимости: повествовательное предложение преследовало цель сообщить что-либо собеседнику, восклицательное предложение использовалось для того, чтобы побудить собеседника к какому-либо действию. Иными словами, намерение (в иных терминах – интенция) вопроса вызывала необходимость употребить вопросительное предложение, побуждения - восклицательное предложение и пр. Благодаря развитию теории речевых актов и разграничению локутивных, иллюкутивных и перлокутивных актов стало очевидным, что прямолинейная зависимость между локутивными и иллюкутивными актами, между типами высказываний (типами предложений) и коммуникативно-прагматическими функциями (речевыми действиями) по сути своей не верна. В определенном ситуативном контексте, как показывает Хельбиг [40, с. 19], различные высказывания имеют одну и ту же коммуникативную (или иллюкутивную) функцию:

Петр, дай мне книгу!

Петр, ты дашь мне книгу?

Петр, ты можешь дать мне книгу?

Петр, ты можешь дать мне книгу.

Петр, мне нужна (требуется) книга: мне нужно в книге что-то посмотреть.

Все из приведенных предложений одинаково выражают требование к адресату. Однако это требование реализовано формально различными средствами – побудительным, вопросительным и повествовательным предложениями. Таким образом, формальный характер предложения сам по себе не определяет, какую иллюкутивную функцию оно может иметь при его высказывании. Типы предложения никоим образом не определяют тип связанных с ними иллюкутивных актов, они являются лишь

детерминированными поверхностной структурой формами высказывания, а вовсе не коммуникативно прагматической функцией, непосредственно соответствующей интенции говорящего. И наоборот, одно и то же предложение в различной ситуации может высказываться в разной функции. Для однозначной идентификации речевого акта в высказывание могут включаться прагматические индикаторы, либо использоваться перформативные глаголы, совершенно точно обозначающие характер иллокутивного акта. При этом перформативные предложения такого рода могут быть формализованы, например: 1-е Л. - Наст.вр. - 2-е Л. - (немедленно, настоятельно), чтобы + предложение [40, с. 19]. Хотя в целом для перформативных высказываний предлагается и более упрощенная, модель - SV [Петрова 34, с.108].

Е.С. Петрова полагает, что «в наиболее общем виде перформативное высказывание определяется как высказывание, эквивалентное действию. Произнося ..., говорящий тем самым уже совершает действие – извинение, обещание, просьбу. В противоположность этому констатирующие, т. е. не перформативные, высказывания служат не для совершения, а для описания действий, для сообщения фактов» [там же].

Следует обратить особое внимание на два подхода к трактовке перформативности, отмеченные многими лингвистами, в том числе и Е.С. Петровой, - узкий и широкий подходы к отграничению перформативных высказываний.

Так, Э. Бенвенист считал, что перформативные высказывания существуют только как акт власти, полагая при этом, что критерием перформативного высказывания является не выбор перформативного глагола, а правомочность лица, произносящего высказывание [9, с.307]. «Иными словами, во главу угла ставится не языковой критерий (видимо, совершенно справедливо! - Т.П.), а, как принято говорить в социолингвистике, ситуация с маркированным статусом, включающая не только говорящего и адресата, но и ряд участников, - не охваченных

коммуникацией (слушателей, свидетелей)» [там же]. В отличие от Э. Бенвениста, Дж. Остин причислял к перформативам и повелительные высказывания, и другие их типы с «имплицитными перформативами». Примерно эту же позицию по отношению к имплицитным перформативам занимает и А. Вежбицкая [20, с. 251-275].

В целом все прагматическое учение о речевых актах строится, как правило, на перформативных глаголах и сводится к описанию различных видов перформативных высказываний. Думается, что нет необходимости обращаться ко всем деталям этого учения, а следует обратиться к проблеме, вызывающей особый интерес.

Известно, что среди типов предложений выделяются всего лишь три – повествовательное, побудительное, вопросительное. Именно эти три типа, подобно семи нотам, из которых создается бесконечное число музыкальных

произведений, дают возможность речевой реализации и сообщения, и предостережения, и угрозы, и сомнения, и уверенности и многих иных интенций говорящего. Каким же образом это достигается, и есть ли резон соотносить тип предложения с иллокутивным актом? Думается, что ответ может быть двойственным. Да, действительно, существуют типы предложений, специализированные на реализации отдельных видов намерений – констатации, вопроса, побуждения. Но, с другой стороны, - эта специализация не всегда реализуется, вернее, чаще всего не реализуется. И отказ от прямых соответствий вызывается фоновыми факторами речевого акта – стремлением к образности, чтобы "и себя показать", и другого заинтересовать, к установлению официальных/доверительных отношений с собеседником и пр.

Проводя аналогию с музыкальным звукорядом, заметим, что ноты всегда комбинируются в аккорды - мажорные либо минорные, суть не в этом. Точно так и отдельные типы предложений в речевом общении выступают в виде своеобразного «аккорда». Обратимся к элементарному примеру с риторическим вопросом:

Разве ты не мог бы этого сделать? Конечно, мог, но не захотел, В данном случае вопросительное предложение вовсе не несет в себе во-

просительной иллокутивной функции. В противном случае дальнейший автоответ, реализованный в виде констатации повествовательным предложением, был бы алогичен. В большей мере вопросительное высказывание является "прелюдией" к серьезному возмущению и последующему выражению неудовольствия. Следовательно, для прагматического описания синтаксических конструкций речевого акта, прежде всего пространных высказываний, не имеет особого смысла рассматривать значимость (либо соответствие ситуации) каждого типа предложения в отдельности. Их целесообразнее изучать в комплексе всей завершенной на уровне микротекста интенции. Подобную единицу, равную на понятийном уровне «комплексу», можно было бы обозначить терминологически как «синтаксическая прагматема»; по аналогии с общепринятой лингвистической терминологией – лексема, синтаксема, семантема и пр. Именно на описание формы и содержания таких прагматем и должна направить свое основное внимание прикладная прагматика.

Нельзя сказать, что эта проблема является совсем уж новой. Для доказательства этого можно обратиться, например, к работе Т.М. Николаевой [30, с. 182-187],-Хотя здесь речь идет о довольно специфическом явлении, оно может быть применено и к прагматике.

Автор отмечает: «В ряде просодических исследований последних лет среди примеров того, как бывает расположен сильный вид ударения (акцентное подчеркивание) в высказываниях и что значит для коммуникативного синтаксиса это выделение (а вопросы такого рода интересуют и синтаксистов, и едва ли не в большей степени, чем интонологов) начинают встречаться примеры своеобразной структуры: *Тише! Бабушка спит или: Открой! Папа пришел...*

Интерпретация этих случаев, этих коммуникативных реплик разнообразна, но в основном они привлекают своей аномальностью» [30, с.

182]. Правда, для подтверждения аномальности автор использует понятие «нормы», определяемой несколькими положениями:

1. Во всяком высказывании есть главноударный элемент.
2. Обычно этот элемент располагается в конце звучащего отрезка.
3. В конце высказывания обычно помещается рема.
4. Следовательно, этот выделенный элемент связан с ремой; возможно, он неотделим от ремы.
5. Поэтому там, где в высказывании есть рема, должно быть сильное ударение и наоборот.
6. Где есть сильное ударение, там и рема.
7. Существуют некоторые слова (например, частицы), вызывающие акцентное выделение связанных с ними слов.
8. Поэтому они – ремовыделители (см. п. 6 - где громко, там и рема).
9. Рема – это новое, неизвестное, важное.
10. Поэтому: новое – ударно, старое – безударно; соответственно, в артиклевых языках имя с определенным артиклем чаще безударно.
11. Главноударное слово – это интонационный центр.
12. Поэтому (поправка к п. 6): где громко, там и рема, там же и интонационный центр.
13. Ударенный элемент может иметь контрастивное значение.
14. Контраст – это эмфаза, это экспрессивный вариант того же обязательного ударного компонента – ремы» [33, с. 182-183].

Исходя из этих критериев, автор пытается показать, что ударенные слова бабушка и папа вовсе не являются новыми, они не несут значения контрастивности, вовсе не в них заложена новая информация, следовательно, их интонационная выделенность аномальна. Это не совсем верно. Все дело в том, что ремой в приведенных примерах является смысл всей второй части высказывания, а ударным оказывается именно элемент, поскольку обычно глаголы выделяются интонационно только с особой прагматической целью, ср.:

Тише! Дедушка не спит, а бабушка спит.

Поэтому для обычной констатации, которая комментирует побудительную часть высказывания, эта интонация вполне нормальна. Более того, этот факт убедительно доказывает тесную связь порядка слов в предложении, относящегося к прерогативе синтаксиса, с интонационным оформлением высказывания.

Думается, что приведенных примеров вполне достаточно для того, чтобы осознать достаточно простую мысль: в прагматике текста синтаксические измерения не совпадают с измерениями традиционной грамматики.

Выводы по 2 главе

С точки зрения прагматической специализации в современной русской речи могут быть выделены три основных субкласса – субкласс изменяемых слов, к которому относятся модальные и перформативные глаголы, и субкласс неизменяемых, объединяющий инфинитив, модальные слова, междометия и частицы, и субкласс дейктических единиц, включающий указательные и личные местоимения.

Для первого из них характерно наличие собственного лексического значения. В силу этого его варианты могут изменять свой прагматический потенциал, употребляясь в высказывании в статусе лишь семантически значимых единиц, формирующих базисный смысл высказывания. Для составляющих второго субкласса (за исключением инфинитива) характерно отсутствие значения. Именно поэтому первый субкласс может быть обозначен как семантико-прагматический, второй – как формально-прагматический. Инфинитив занимает промежуточное положение между двумя субклассами. С одной стороны, он всегда наделен собственным лексическим значением, а с другой стороны – он, как показал материал, всегда выступает индикатором «прагматической окрашенности»

высказывания. Единицы третьего субкласса лишены «вещественного» значения, но отличаются грамматически обусловленной вариабельностью формы слова. Именно поэтому они и относятся к категории прагматических индикаторов.

Фразеологические единицы имеют «внутреннюю прагматику», которая выражается в трансформации исходной семантики в антонимическом направлении, в соединении смежных, но несовместимых первичных смысловых сегментов и др. Именно внутренняя прагматика и обеспечивает прагматику фразеологических единиц на макроуровне – в речи.

В работе выделены группы прагматем согласно их функциональному назначению:

- 1) междометные прагматемы;
- 2) прагматемы, меняющие свою форму от намерений говорящего;
- 3) дискурсивные единицы, утратившие свое лексическое значение, приобретая прагматическое; в связи с этим они выполняют ряд коммуникативно-прагматических функций: заполнение пауз, поисковая, метакоммуникативная, дейксис, рефлексивная, структурирующая, корректирующая, ритмообразующая, компрессионная.

Отдельно рассмотрена прагматема *блин*. В настоящее время данная единица является коммуникативно-функциональной, утратившей значение междометной единицы, реализующая клитическую функцию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Избрав тему выпускной квалификационной работы «Прагматемы в русской повседневной речи» и определив ее цель – выявить и описать функционирование прагматем в русской повседневной речи, мы пришли к следующим выводам.

В лингвистике прагматический аспект изучения понимается как исследование связи между адресатом и адресантом, воздействующей, или прагматической, функции текста на реципиента. Эта функция репрезентируется в тексте, в его содержании, в его языковых единицах. Языковые единицы, реализующие прагматическую функцию в тексте, называются прагматемами. Следовательно, прагматическая ценность текста зависит от прагматической ценности составляющих его прагматем, что, в конечном счете, измеряется прагматическим эффектом, то есть результатом воздействия текста на эмоции и поведение адресата.

В разговорной речи говорящие используют прагмалексемы, однако, в данной работе бы принят термин «прагматема», поскольку данные единицы, функционируют в речи не только единично, но и в составе целых конструкций. Они теряют свои денотативный и сигнификативный компоненты, становясь единицами коммуникативно-прагматического уровня. Прагматемы есть класс условно-речевых, чисто функциональных единиц, представленных только в разговорной речи.

По сути, прагматемы – это единицы языка, которые ранее обладали статусом определённой грамматической категории (части речи), однако, приобретая новое функциональное назначение в устной речи, утрачивают признаки этой категории.

В практической части данной работы были рассмотрены прагматемы согласно их грамматическим свойствам. Выявлены три субкласс этих прагматем. Для первого класса (модальные и перформативные глаголы)

характерно наличие собственного лексического значения, а значит, они могут менять свой прагматический потенциал, являясь семантически значимой единицей, т.е. прагматемы этого субкласса могут формировать смысл высказывания. Второй класс прагматем не имеет значения. Именно поэтому первый субкласс может быть обозначен как семантико-прагматический, второй – как формально-прагматический. Инфинитив занимает промежуточное положение между двумя субклассами. С одной стороны, он всегда наделен собственным лексическим значением, а с другой стороны – он, как показал материал, всегда выступает индикатором «прагматической окрашенности» высказывания. Третий субкласс (указательные и личные местоимения) прагматем не имеют «вещественного» значения, однако грамматически изменяемы, поэтому единицы этого класса являются прагматическими индикаторами.

В работе выделены группы прагматем согласно их функциональному назначению:

- 1) междометные прагматемы;
- 2) прагматемы, меняющие свою форму от намерений говорящего;
- 3) дискурсивные единицы, утратившие свое лексическое значение, приобретая прагматическое; в связи с этим они выполняют ряд коммуникативно-прагматических функций: заполнение пауз, поисковая, метакоммуникативная, дейксис, рефлексивная, структурирующая, корректирующая, ритмообразующая, компрессионная.

Отдельно рассмотрена прагматема *блин*. В настоящее время данная единица является коммуникативно-функциональной, утратившей значение междометной единицы, реализующая клитическую функцию.

Рассмотренные классы прагматем являются преимущественно лексикализованными конструкциями с местоимениями; они утратили свое основное значение в разговорной речи и далее приобрели прагматическое значение или функцию.

Доминирующая значимость синтаксиса в речевой реализации языковых средств бесспорна. Отсюда вытекает задача выявления перечня коммуникативных, функций предложений и закреплённости/ незакреплённости тех или иных моделей за соответствующими коммуникативными действиями. В более узком смысле эта задача может быть сведена к выявлению прагматически специализированных синтаксических элементов, которые могли бы представлять прагматические характеристики речи.

В заключение отметим перспективный характер темы данной работы. В дальнейшем возможны дальнейшие исследования функционального назначения прагматем, их комплексного описания с целью разработки словаря коммуникативно-прагматических единиц. Словарь прагматем будет актуальным в профессиональной деятельности филологов-преподавателей, специалистов, изучающих разговорную речь, в обучении русского языка как иностранного.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абишева М.С. К вопросу о субъектной организации текста информационной заметки [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.philol.msu.ru/~rlc2004/files/sec/17.doc/>. – дата обращения: 12.03.2020.
2. Алефиренко Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. – М.: Элипс, 2008. – 271 с.
3. Аничков И.Е. Идиоматика и семантика // Вопросы языкознания. – № 5. – 1992. – С. 5-14

4. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Избранные труды, том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – С. 629 - 650.
5. Апресян Ю.Д. Прагматическая информация для толкового словаря // Избранные труды, том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Школа, «Языки русской культуры», 1995. – С. 135-155.
6. Апресян Ю.Д. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «смысл <-> текст» // Избранные труды, том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – С. 8-101.
7. Апресян Ю.Д. Перформативы в грамматике и словаре / Ю.Д. Апресян // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1986. – Т. 45. – № 3. – С. 208–223.
8. Арутюнова Н.Д. Прагматика // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н.Ярцева 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 389-390.
9. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Русский язык, 2008. – 608 с.
10. Белянин, В. П. Живая речь. Словарь разговорных выражений / В. П. Белянин, И. А. Бутенко. М., 1994.
11. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Либроком, 2015. – 360 с.
12. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. – СПб: Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.
13. Богданов В.В. Речевое общение: Прагматические и семантические аспекты. – Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1980. – 216 с.
14. Богданова-Бегларян Н.В. Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского университета. – 2014. – 3 (27). – С.7-20.

15. Богданова-Бегларян Н.В. Лингвистические этюды (о некоторых особенностях русской разговорной речи) // Вестник Пермского научного центра УРО РАН. – 2014. – №1 (Январь – Март). – С.50–66.
16. Богданова-Бегларян Н.В. Еще о законе экономии в повседневной спонтанной речи // Коммуникативные исследования. – Омск, 2014. №1. – С.10-15.
17. Богданова-Бегларян Н.В. Об одной из самых частых единиц русской спонтанной речи: блин с лингвистической и социолингвистической точек зрения // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып.13(20). По материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог». – М.: РГГУ, 2014. – С.76–82.
18. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. – Л.: Наука, 1978. – 175 с.
19. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. – Л.: Наука, 1983. – 208 с.
20. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики – Л.: Наука (Лен. отд.), 1987. – 237 с.
21. Бондарко А.В. К анализу категориальных ситуаций в сфере модальности: императивные ситуации // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука (Лен.отд.), 1990. – С. 80 - 89.
22. Богданов, В. В. Речевое общение. Прагматические и семантические аспекты / В. В. Богданов. Л., 1990.
23. Вежбицкая А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике Вып. XVI: Лингвистическая прагматика / Общ.ред. Е.В. Падучевой. – М.: Прогресс, 1985. – С. 251 -275.
24. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А.Д. Шмелева под ред. Т.В. Булыгиной. – М.: Языки русской культуры, 1999. – I-XII. – 780 С.

25. Верещагин, Е. М. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. М., 2005
26. Вендлер З. Иллокутивное самоубийство / З. Вендлер; пер. с англ. А.А. Зализняк // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – М. : Прогресс, 1985. – С. 228–250.
27. Виноградов В.А. Дейксис // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл.ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 128. 326
28. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / Отв.ред. Г.А.Золотова. – 5-е изд., испр. – М.: Русский язык, 2006. – 640 с.
29. Волков, В. Прагматически ориентированные части речи и идеография / В. Волков, М. Миклуш // Русистика – Russistik. 1996. № 1 – 2. С. 81 – 88
30. Гладров В. Прагматическая структура высказывания в русском языке / В. Гладров // Русское слово в мировой культуре: X Конгресс Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г. СПб., 2003. С. 243–248.
31. Грайс Г.П. Логика и речевое общение / Г.П. Грайс; пер. с англ. В.В. Туrowsкого // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – М. : Прогресс, 1985. – С. 217–237.
32. Дейк Т. А. ван. Язык, познание, коммуникация / Т. А. ван Дейк. М., 1989.
33. Дементьев, В. Непрямая коммуникация / В. В. Дементьев. М., 2006.
34. Диброва Е.И. Коммуникативно-когнитивная модель текстопорождения // Семантика языковых единиц / Научные доклады V Международной конференции. – М.: Физкультура, образование и наука, 1996. – Т.2. – С. 130-137.

35. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 284 с.
36. Карасик В.И. Язык социального статуса / В.И. Карасик. – М. : Ин-т языкознания РАН; Волгоград Гос. пед. ин-т, 1992.
37. Карасик, В. И. Рутинное и креативное общение: функции, типы, способы / В. И. Карасик // Язык. Культура. Общение: сб. науч. тр. в честь юбилея С. Г. ТерМинасовой / отв. ред. Г. Г. Молчанова. М., 2008. С. 482 – 492.
38. Киселева Л. А. Вопросы теории речевого воздействия. – Л.: ЛГУ, 1978. – 160 с.
39. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковое существование современного горожанина. На материале языка Москвы. – М.: Языки слав. культур, 2010. – 496 с.
40. Клаус, Г. Сила слова. Гносеологический и прагматический анализ языка / Г. Клаус. М., 1967.
41. Козинцева Н.А. Инфинитив // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 198-199.
42. Кокорина СВ. Модальные частицы как прагмемы в системе речи (на материале литературных диалогов современного немецкого языка): Автореф.дисс.. канд.филол.наук. – Барнаул, 2002. – 20 с.
43. Крижанская, Ю. С. Грамматика общения / Ю. С. Крижанская, В. П. Третьяков. Л., 1990
44. Лакофф Дж. Прагматика в естественной логике // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 16. Лингвистическая прагматика. Сборник: Пер., с разн. яз. / Сост. и вступ. ст. Н.Д. Арутюновой и Е.В. Падучевой. Общ. ред. Е.В. Падучевой. – М.: Прогресс, 1985. – С. 439 - 470.
45. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – 800 с. (БЭС).

46. Лузина Л.Г. Распределение информации в тексте: когнитивный и прагматический аспекты. – М.: БИ, 1996. – 139 с.
47. Маслова А.Ю. Введение в прагмалингвистику. М., 2010.
48. Мечковская Н.Б. Язык и общество // Общее языкознание / Под общ. ред. А.Е. Супруна. – Минск: Высшая школа, 2013. – 335 с.
49. Норман Б.Ю. Лингвистическая прагматика на материале русского и других славянских языков. Минск, 2009.
50. Остин Дж. Избранное / Пер. с англ. Макеевой Л.Б., Руднева В.П. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. – 332 с.
51. Остин Дж.Л. Слово как действие / Дж.Л. Остин; пер. с англ. А.А. Медниковой // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – С. 22–130.
52. Петрова Е.С. Перформативные глаголы и перформативные предложения // Актуализация предложения: В 2 т. Том 2: Синтаксические модели и их варианты / А.В. Зеленщиков, В.В. Бурлакова, Е.С. Петрова, С.В. Силянский и др.; Под ред. А.И. Варшавской. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1997. – С. 107-126.
53. Петрова Е.С. Концепт 3-го лица и прагматическая прономинализация. // Диалектика текста: В 2 т. – Т. I /О.Н.Гордеева, О.В. Емельянова, Е.С. Петрова и др.; Под ред. проф. А.И.Варшавской. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – С. 166-179.
54. Подлесская В.И. Нечеткая номинация в русской разговорной речи: опыт корпусного исследования //Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог» (2013) (Бекасово, 29мая – 2июня 2013г.). Вып.12 (19): в 2 т. Т.1. Основная программа конференции. – М.: РГГУ, 2013. – С.631–643.
55. Потапова Р.К. Коннотативная паралингвистика. – М.: Триада, 1997. – 69 с.
56. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. – М.: Либроком, 2014. – 655 с.

57. Прохорова Т.Н. Прикладная прагматика: Описание системы современного русского языка. – Запорожье: ЗИГМУ, 2000. – 224 с.
58. Прохорова Т.Н. Реализация прагматического потенциала современного русского языка в жанрах газетной журналистики: Дис. ..канд. филол. наук. – Белгород, 2003. – 352 с.
59. Ремчукова, Е. Н. Креативный потенциал русской грамматики / Е. Н. Ремчукова. М., 2005.
60. Русский язык и культура речи: учеб. / под ред. проф. В. И. Максимова. – М.: Гардарики, 2015. – 411 с.
61. Серль Дж.Р. Основные понятия исчисления речевых актов / Дж.Р. Серль, Д. Вандервекен; пер. с англ. А.Л. Блинова // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 18. Логический анализ естественного языка. – М. : Прогресс, 1986. – С. 242–264.
62. Серль Дж.Р. Классификация иллокутивных актов / Дж.Р. Серль; пер. с англ. В.З. Демьянкова // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. – М. : Прогресс, 1986. – С. 170–194.
63. Сибирко Н.А. Коммуникативно-когнитивные и функционально-прагматические особенности модификации публицистических текстов: Автореф. ... дис. канд. филол. – Пятигорск, 2010. – 34 с.
64. Солодуб Ю.П., Альбрехт Ф.Б. Современный русский язык. Лексика и фразеология (сопоставительный аспект). – М.: Флинта; Наука, 2008. – С. 14-65.
65. Сусов И. П. Лингвистическая прагматика. – Винница, 2009. – 272 с.
66. Третьякова Т.П. Речевые стереотипы как актуализованное коммуникативное знание // Актуализация предложения... – Т. 1. – С. 124.
67. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка /Под ред. Б.А. Ларина. – 4-е изд., стер. – в 4-х т. – М.: Прогресс, 1986.
68. Федорова, Л. Л. Эмоции в грамматике / Л. Л. Федорова // Эмоции в языке и речи / под ред. И. А. Шаронова. М., 2005. С. 178 – 199.

69. Формановская Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения / Н.И. Формановская. – М. : Русский язык, 1982.
70. Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативнопрагматический аспект / Н.И. Формановская. – М.: Русский язык, 2000.
71. Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. – СПб.: Норинт, 2004. – 768 с.
72. Шаронов, И. А. Толкование эмоциональных междометий как знаков восприятия / И. А. Шаронов // Russian Linguistics. Vol. 26. 2002. № 2. С. 235 – 254.
73. Шиганова Г. А. Функционирование релятивных фразеологизмов в газетно-публицистическом стиле // Русский язык как государственный: материалы междунар. конф. – 2007. – С. 23-29.
74. Шмелев, А. Референциальные механизмы русского языка / А. Шмелев. Тампере, 1996.
75. Язык и моделирование социального взаимодействия: сб. ст. / общ. ред. В. В. Петрова. М., 1987.